

А. В. Лавров

МАТЕРИАЛЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Большинство рукописей Андрея Белого, хранящихся в Пушкинском Доме, сосредоточено в архиве Р. В. Иванова-Разумника; они были охарактеризованы в предыдущем выпуске «Ежегодника».¹ Однако в других фондах и среди отдельных поступлений также имеются материалы Белого. Некоторые из них уже были опубликованы,² однако большей частью они еще не введены в ис-

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980, с. 23—63. Недавно в Рукописном отделе были обнаружены относящиеся к этому архиву книги Андрея Белого со следующими дарительными надписями Иванову-Разумнику и его сыну Льву Разумниковичу Иванову (1904—1938): «Глубокоуважаемому Разумнику Васильевичу Иванову с горячей любовью автор. Москва, 12 (25) апреля <19>18 г.» (Собрание эпических поэм. Кн. 1-я. М., изд. В. В. Пашуканиса, 1917); «Глубокоуважаемому Разумнику Васильевичу Иванову в знак любви и преданности. А. Белый. 12 (25) апреля <19>18 г.» («Восток или Запад» — оттиск из альманаха «Эпоха» (кн. 1. М., 1918, с. 161—210)); «Дорогому, близкому другу в знак неизменной любви и с надеждой на много предстоящих свиданий — Разумнику Васильевичу Иванову. Андрей Белый. 10 октября 19>21 года» (Первое свидание. Пб., «Алконост», 1921); «Глубокоуважаемому другу и едва ли не единственному читателю — Разумнику Васильевичу Иванову — этот краткий итог многих дум — с волнением и с глубоким уважением: от автора. Борис Бугаев. Кучино. 12 сентября. <19>29 года» (Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., «Федерация», 1929); «Дорогому и милому Леве в знак любви и дружбы. Андрей Белый. 7-го июля <19>20» (Христос воскрес. Пб., «Алконост», 1918); «Соколлекционеру и другу, Леве, от Андрея Белого. 7 июля <19>20 г.» (Королевна и рыцари. Сказки. Пб., «Алконост», 1919).

² См. письма Белого к Ф. Сологубу (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974, с. 131—137), письма Белого к Е. А. Ляцкому (Ежегодник... на 1978 год, с. 218—230). Существует также большой корпус писем Белого к А. А. Кублицкой-Пиоттх, сохранившихся в коллекции В. А. Десницкого (ИРЛИ, ф. 411, № 14); эти документы готовятся к отдельной публикации. (Далее шифры рукописей Белого, воспроизводимых в обзоре, приводятся в самом тексте).

следовательский оборот. Материалы, являющиеся предметом рассмотрения в настоящем обзоре, позволяют осветить отдельные немаловажные эпизоды биографии и творчества Белого. При этом наше внимание будет сосредоточено исключительно на рукописях самого писателя: материалы, косвенным образом с ним связанные, воспоминания и статьи о Белом, документальные источники и переписка знавших его лиц привлекаются лишь попутно.

1

Среди русских писателей Андрею Белому, безусловно, принадлежит одно из первых мест по количеству оставленных им автобиографических материалов, по тому значению, которое они имеют в его творческом наследии, по многообразию их жанров — от кратких автобиографических справок до многотомных мемуарных серий. Рукописи такого рода имеются и в Пушкинском Доме.

Первая краткая автобиография Белого была опубликована в 1909 г.³ Ей, однако, предшествовали более ранние опыты в этом жанре. Один из них относится к 1905 г. — краткая автобиография, написанная по просьбе С. А. Венгерова. Посредником между начинающим писателем и маститым литературоведом и библиографом был В. Я. Брюсов, писавший Белому 17 мая 1905 г.: «Семен Афанасьевич Венгеров (СПб., Разъезжая 39) просит у Вас кратких автобиографических сведений для Малого Энциклопедического словаря».⁴ Не дожидаясь ответа от Белого (жившего в те дни в подмосковном имении Дедово у своего друга С. М. Соловьева), Брюсов сам в письме к Венгерovu от 17 мая 1905 г. сообщил известные ему данные, отметив: «Уверен, что Белый ничего не будет иметь против оглашения его настоящей фамилии. Единственная причина, почему он избрал псевдоним, была воля отца. Отец теперь умер. Некоторые свои статьи Белый подписывал и настоящим своим именем „Борис Бугаев“».⁵

Говоря, что псевдоним Белый избрал по «воле отца», Брюсов неточен: в основе этого решения была попытка скрыть от отца факт своего выступления в печати. Николай Васильевич Бугаев (1837—1903), видный ученый-математик, декан физико-математического факультета Московского университета,⁶ вращался в ос-

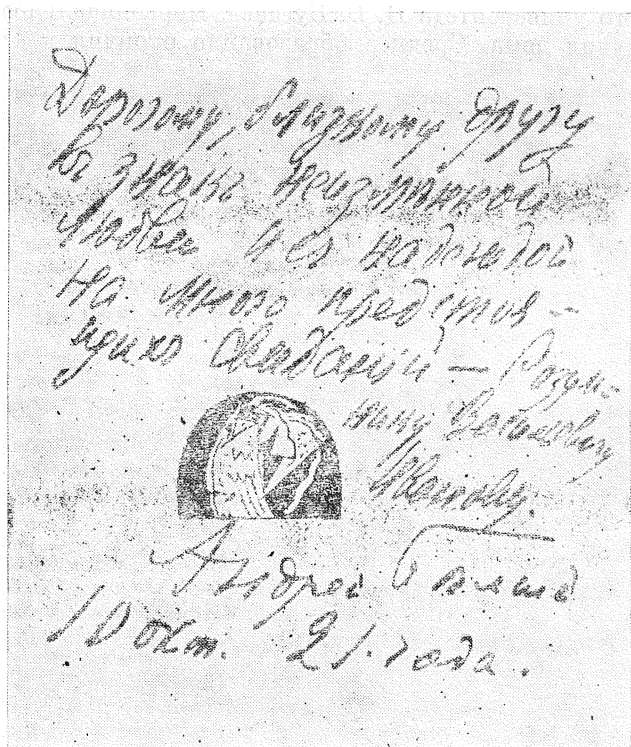
³ Белый Андрей. Биография. — В кн.: Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Под ред. М. Гофмана. СПб.—М., [1909], с. 137 (факсимиле рукописи Белого).

⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 25, карт. 10, № 9а.

⁵ ИРЛИ, ф. 377, 1-е собрание автобиографий С. А. Венгерова, № 504.

⁶ См.: Краткое обозрение ученых трудов профессора Н. В. Бугаева (сост. им самим). Публикация Ф. Я. Шевелева. — В кн.: Историко-математические исследования, вып. XII. М., 1959; Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года. М., 1968, с. 484.

новном в профессорской среде, враждебно настроенной к «повому» искусству, и сам был решительным противником «декадентских» произведений. На самых первых порах после литера-

Дарительная надпись Андрея Белого Р. В. Иванову-Разумнику на книге «Первое свидание». 1921 г.

турного дебюта Белого — выхода в свет «Симфонии (2-й, драматической)» (1902) — его «инкогнито» оставалось неразгаданным, что порождало всевозможные домыслы об авторе этого произведения, ошеломившего своей необычностью читательские круги.⁷

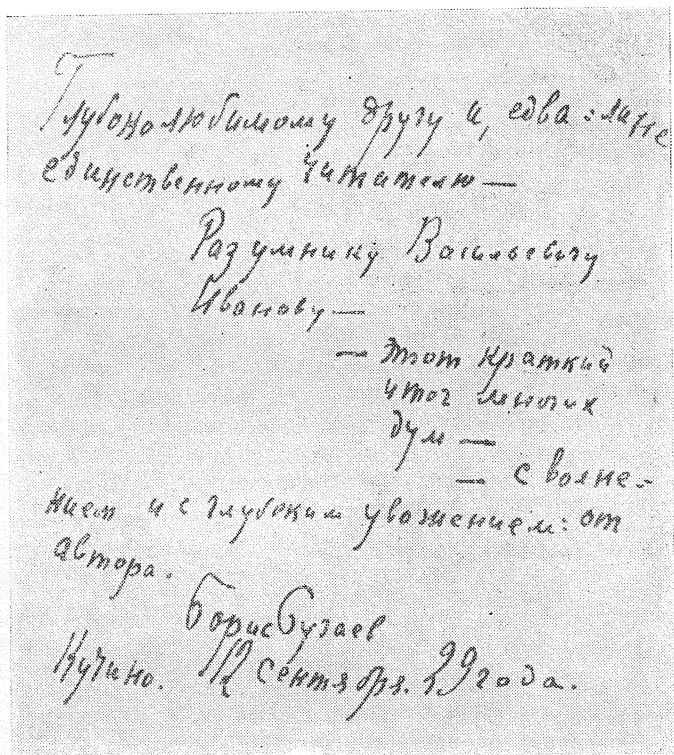
Несколько дней спустя после извещения о просьбе Венгерова Белый отослал ему следующее автобиографическое письмо:

⁷ Так, С. М. Соловьев сообщал Белому 26 мая 1902 г., вскоре после выхода «Симфонии»: «Бельский, купив Симфонию случайно в магазине, по первой же странице решил, что автор Симфонии — я. Я разрушил эту ересь, заметив, впрочем, что в Симфонии *не без меня* <...> Оказалось, что и Венкстерн одно время был уверен, что автор Симфонии — я. Что же это такое! Теперь подозрение падает на... Брюсова» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, № 2; упоминаются педагог частной гимназии Л. И. Поливанова Л. П. Бельский и цензор и пушкинист А. А. Венкстерн). Ср.: Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М.—Л., 1930, с. 383.

«Многоуважаемый Семен Афанасьевич,

В. Я. Брюсов мне писал о том, что Вы желали иметь краткие биографические сведения обо мне для Словаря. Вот они:

Я родился в Москве в 1880 году 14 октября. Сын профессора Московского университета Н. В. Бугаева. Первоначальное образование получил дома. Среднее образование окончил в 1899 году

Дарительная надпись Андрея Белого Р. В. Иванову-Разумнику на книге «Ритм как диалектика и „Медный всадник“». 1929 г.

в московской частной гимназии Л. И. Поливанова. Поступил на естественное отделение физико-математического факультета, который и окончил в 1903 году. С 1904 года вновь поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Первая моя книга „Драматическая Симфония“ выпущена в 1902 году под псевдонимом Андрея Белого, который и ныне сохраняю. В 1903 году вышла моя другая книга — „Северная Симфония“. В 1904 году вышли две моих книги: „Золото в лазури“ (первый сборник стихов) и симфония „Возврат“.

Состоял и состою сотрудником нижеследующих периодических

изданий: „Новый Путь“, „Мир Искусства“, „Весы“, „Вопросы Жизни“, „Новый мир“.⁸ Участвовал в альманахах „Северные цветы“, „Гриф“. Вот краткие биографические сведения; я думаю, что их Вам достаточно; если же для Словаря нужны еще какие-нибудь сведения, я готов их дать.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и готовый к услугам

Борис Бугаев.

«19»05 года 24-ое мая» (ф. 377, 1-е собрание автобиографий С. А. Венгерова, № 504).

Представленные Белым сведения были использованы в статье о нем в «Малом энциклопедическом словаре».⁹

Более подробные данные о себе Белый сообщил в автобиогра-

⁸ Сведения о публикациях Белого в указываемых им изданиях см. в его библиографии, составленной Н. Г. Захаренко и В. В. Серебряковой (Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель, т. 3, ч. 1. М., 1979, с. 134, 139, 140—141). В иллюстрированном журнале «Новый мир», издававшемся в Петербурге в 1899—1905 гг. товариществом М. О. Вольф, произведения Белого не были напечатаны. 6 марта 1905 г. редакция «Нового мира» послала Белому письмо, в котором предлагала ему участвовать в журнале: «Для этого издания нам очень было бы приятно получать от Вас как беллетристические, так и другие произведения — в объеме, по возможности, от 100 до 150 печатных строк (...) журнал рассчитан на интеллигентных читателей, а потому в выборе тем сотрудничи не стеснены» (ГБЛ, ф. 25, карт. 28, № 11). Это был первый случай приглашения Белого в популярное издание несимволистского профиля. В ответном письме Белый поблагодарил редакцию и выслал для напечатания стихотворение «Злая страсть» (ЦГАЛИ, ф. 100, оп. 1, № 3; текст письма сообщен нам С. В. Беловым). Редакция «Нового мира» известила Белого письмом от 12 апреля 1905 г. о принятии стихотворения к печати (ГБЛ, ф. 25, карт. 28, № 11), однако он отказался от сотрудничества в журнале после знакомства с помещенной в «Вестнике литературы» (также издававшемся товариществом М. О. Вольф) статьей Пл. Краснова «Перед судом критики. — Новая русская поэзия», в которой резко критическому разбору были подвергнуты «Зеленый сборник стихов и прозы» (стихи Ю. Н. Верховского и М. А. Кузмина) и «Книга вступлений» В. В. Гофмана (см.: Вестник литературы, 1905, № 2, 23 января, стб. 40—45). 17 июня редакция «Нового мира» писала Белому в ответ на его заявление: «...мы Вас ценим и очень желали бы видеть Ваши произведения на столбцах наших изданий. Что же касается отзыва Пл. Краснова о символистах, то мы не считаем себя вправе вычеркнуть из его статьи личное мнение критика (...) Можем при этом уверить, что „Вестник литературы“ горячо сочувствует всем истинным талантам символизма (в том числе и Вам), и на столбцах „Вестника“ появятся еще много статей, посвященных этому все еще новому направлению в литературе» (ГБЛ, ф. 25, карт. 28, № 11). Белый, видимо, остался при своем решении. Стихотворение «Злая страсть» было опубликовано в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (кн. 2, М., 1906, с. 150—151). Кроме того, после помещения в «Вестнике литературы» статьи Пл. Краснова «Новые формы русского стихосложения» Белый направил в редакцию письмо со своими возражениями, которое было опубликовано (Белый Андрей. По поволу новых форм стихосложения. (Письмо в редакцию). — Вестник литературы, 1905, № 18, 23 сентября, стб. 422).

⁹ Малый энциклопедический словарь, т. 1. вып. 1. Изд. 2-е. СПб. изд. Брокгауза и Ефрона. 1907, с. 652. На титульном листе издания и во вступительных заметках нет упоминаний об участии в нем С. А. Венгерова.

фической справке, написанной в начале 1908 г. по просьбе Анастасии Чеботаревской для подготавливавшейся ею книги автобиографий современных русских писателей. Довести эту книгу до печати Чеботаревской не удалось, и рукопись Белого в составе других 25 писательских автобиографий сохранилась в ее архиве:

«А. Белый (Борис Николаевич Бугаев) родился в 1880-м году. Кончил гимназию Поливанова в Москве в 1899-м году. В 1903-м году окончил императорский Московский университет, естественное отделение физико-математического факультета. В 1904-м году поступил на филологический факультет Московского университета, но его не окончил. Сын профессора Московского университета.

Начал писать 15-ти лет. В детстве на развитие его влияла немецкая поэзия (главным образом Уланд). Впоследствии Гейне и бретонские легенды. В 16—17 лет писал стихи, окрашенные влиянием Гейне, а также символистов: Верлена и Метерлинка. В умственном отношении на развитие оказал влияние Шопенгауэр, а также те отрывки из восточной мудрости, которые он мог читать.¹⁰ Впоследствии находился под влиянием Соловьева, Ницше и наконец перешел к Канту. В настоящее время А. Белый видит будущее развитие мысли в преодолении фрейбургской школы философии, дающем возможность обосновать как теорию символизма, так и некоторые стороны ницшеанства.

Из литературных памятников А. Белый более всего чтит Гете, Пушкина, Баратынского, Тютчева, Гоголя. Из позднейших: Ибсена, Ницше, Гамсуна, Стефана Георге, Мережковского и Брюсова. В музыке видит начало, наиболее способствующее развитию человечества. Более всего ему дорог Бетховен, Бах, Шуман и композиторы XVII века. Предпочитает формально излагать свои взгляды, не раскрывая их сокровенно-мистического смысла. Написал следующие книги: „Северная Симфония“, „Симфония (драматическая)“, „Возврат“, „Кубок метелей“, „Золото в лазури“ (1-й сборник стихов), „Закатные прахи“ (второй сборник стихов: выйдет осенью). В настоящее время работает над повестью „Серебряный голубь“ и над книгой „Теория символизма“. Готовит сборник своих статей.

А. Белый» (ф. 289, оп. 4, № 72, л. 3—4 об.).^{10а}

¹⁰ Подразумеваются прежде всего отрывки из упанিশад в изложении В. В. Джонстон, опубликованные в «Вопросах философии и психологии» (1896, № 1), и помещенная там же (1894, № 5) работа Д. П. Конисси «„Тао-те-кин“ Лао си» — изложение философского трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин». Ср. запись Белого, характеризующую его интересы в 1896 г.: «... производят потрясающее впечатление „Отрывки из Упанিশад“ и „Тао“ Лао-цзы» (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный)... — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 5 об.).

^{10а} Опубликовано Л. К. Долгополовым, см.: Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1980, т. 39, № 6, с. 502. Упомянутый в тексте письма Д. С. Мережковский в 1920 г. эмигрировал, проживал в Париже и занимал по отношению к Советской России резко враждебную позицию

Автобиография была оглавлена из Москвы 5 февраля 1908 г. и по содержащимся в ней признаниям о художественных и идейных тяготениях очень характерна для духовного развития Белого этой поры. Упомянув Канта и «фрейбургскую школу философии», т. е. прежде всего неокантианское учение Генриха Риккерта, Белый говорит о тех «властителях дум», с помощью которых он стремился выйти из длительного духовного кризиса и обосновать собственную философско-эстетическую концепцию.¹¹ В связи с этим находится и его установка на «формальное» изложение своих взглядов: борьба с мистическими увлечениями и «широковещательными апокалиптическими экстазами»¹² во имя теоретического, «научного» подхода к философским проблемам предполагала отказ от неопределенно-субъективных, эмфатических средств самовыражения и стремление к строгому, суховатому стилю, логичности и доказательности доводов. В перечне любимых «литературных памятников» показательно отсутствие былого кумира — Достоевского, имя которого для Белого в эти годы связывалось с отвергаемой им «кабацкой мистикой», исчезновение Фета и Лермонтова, бывших наряду с Вл. Соловьевым любимыми поэтами Белого в юности, и появление имен Пушкина и Баратынского, влиянием которых, в особенности последнего, отмечены стихотворения Белого, вошедшие в его книгу «Урна» (1909).¹³

Как видно из автобиографии, в начале 1908 г. Белый еще не предполагал разделить свои стихотворения, написанные после выхода «Золота в лазури» (1904), на два сборника: неосуществленная книга «Закатные прахи» должна была включать стихотворения, распределенные затем по книгам «Пепел» и «Урна».¹⁴

¹¹ Важнейшие неокантианские труды — «Теорию познания Канта» Германа Когена и «Границы естественнонаучного образования понятия» Г. Риккерта — Белый изучал осенью 1907 г. (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный)..., л. 55 об.). О воздействии Канта и неокантианства на теорию символизма Белого см. статьи А. Л. Казина «Гносеологическое обоснование символа Андреем Белым» (Вопросы философии и социологии, вып. 3. Л., 1971, с. 71—75) и «Соотношение искусства и действительности в эстетической теории Андрея Белого» (там же, вып. 4. Л., 1972, с. 202—205), а также работу Л. И. Филиппова «Неокантианство в России» (в кн.: Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978, с. 310—316).

¹² Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., «Мусагет», 1914, с. 100 (статья «Ибсен и Достоевский», 1905).

¹³ Ср.: «... мое мнение о Фете сложилось мне еще в 1898 году; о Лермонтове — в 1902; о Тютчеве — в 1904 г.; о Баратынском — в 1908; о Пушкине — лишь в 1910 году» (Белый Андрей. Гоголь и Мейерхольд. — В кн.: Гоголь и Мейерхольд. М., 1927, с. 31).

¹⁴ Первоначально второй сборник стихотворений Белого «Закатные прахи» назывался «Тоска по воле» (см. письма Белого Брюсову за октябрь—ноябрь 1906 г.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 392, 396). Заглавие «Закатные прахи» впервые появилось в объявлениях майского номера «Весов» за 1907 г. На решение Белого выпустить две книги стихотворений вместо одной могли повлиять советы С. М. Соловьева; в его недатированном письме к Белому (относящемся,

Чрезвычайно существенно упоминание о «Серебряном голубе»: это одно из первых по времени из известных нам прямых авторских свидетельств о работе над романом.¹⁵ Другое называемое в автобиографии произведение, над которым Белый работал в начале 1908 г., — «Теория символизма» — в полном объеме не сохранилось. В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» Белый указывает: «Материалы черновые ряда глав сочинения „Система символизма“ (недописанного); переработанный отрывок из этих материалов являет собой „Эмблематику смысла“; другой отрывок являет собой статью „Смысл искусства“; обе статьи — куски написанного; эти материалы писались в 1904—1905 годах; автор все искал случая переработать материалы в философскую систему; вместо системы в 1909 году спешно пришлось выкроить из материалов две статьи для книги „Символизм“. Эти материалы затерялись в заторе старых рукописей; в 1918—1919 годах автор сжег рукописи; и вместе с ними нечаянно сжег „Материалы“». ¹⁶ Упомянутая в автобиографии как намеченная к изданию книга статей Белого ¹⁷ разрослась в три книги — «Сим-

видимо, к лету 1908 г.) доказывается, между прочим, важность появления сразу двух книг Белого для перспективы продолжавшейся полемики с петербургскими символистами (в ту пору для Белого немаловажный довод): «Ты непременно должен разделить сборник стихов на два сборника. Пусть первый будет, большой, издан „Шиповником“. Второй, стихотворений в 30, издай хоть у Паффа. Нельзя совать в одну книгу и Тоску по воле и Державинский стих «?». Тут резкая межа. Если б ты знал, как важно в опасности войны с Петербургом появление в будущем сезоне *двух* твоих книг. Ведь количество книг (если это не книги Городецкого) много, много значит» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, № 7; «Пафф» — пренебрежительная кличка владельца издательства «Гриф» С. А. Соколова). Белый поступил именно так, как советовал Соловьев: одну книгу представил в издательство «Шиповник» («Пепел» вышел в свет в конце 1908 г.), а другую — в «Гриф» («Урна» вышла в 1909 г.).

¹⁵ Ср. газетное сообщение: «А. Белый приезжает в Петербург, где намерен работать над новой повестью „Серебряный голубь“» (Час, 1907, № 37, 3 ноября). «Пишу повесть», — сообщал Белый Блоку 20 марта 1908 г. (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 228). Как предварительный набросок темы, позднее развитой в «Серебряном голубе», можно рассматривать рассказ Белого «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» (Весы, 1908, № 4, с. 15—30). Вынашивая замысел будущего «Серебряного голубя», Белый в 1907—1908 гг. пытался также работать над другим крупным прозаическим произведением (в печати называлось его заглавие — «Адмиралтейская игла»; см.: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого. — Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 599), однако рукописей, относящихся к нему, не обнаружено. Видимо, планы, связанные с этим произведением, модифицировались впоследствии в идею романа «Петербург».

¹⁶ ГПБ, ф. 60, № 31. Статьи «Эмблематика смысла» и «Смысл искусства» вошли в книгу Андрея Белого «Символизм» (М., «Мусагет», 1910).

¹⁷ Впервые Белый предлагал издать сборник из 28 своих статей владельцу издательства «Скорпион» С. А. Полякову в первой половине 1906 г. (Литературное наследство, т. 27—28, с. 617).

волизм», «Луг зеленый» и «Арабески», выпедшие в свет в 1910—1911 гг. и включившие 89 статей.

В 1-м собрании автобиографий С. А. Венгерова хранятся беловая рукопись подробной автобиографии Белого, написанной в 1912 г., и две формы ее гранок (№ 504).¹⁸ Работа над этой автобиографией (заказанной Венгеровым, видимо, во время пребывания Белого в Петербурге в январе—феврале 1912 г.) совпала у Белого с подготовкой к отъезду за границу и улаживанием в связи с этим многочисленных дел. За десять дней до отъезда из Москвы, 6 марта 1912 г., Белый писал Венгерovu:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Извиняюсь перед невольной задержкой. Вы просили меня прислать мою автобиографию. Но действительно упорная и срочная работа, а также ряд непредвиденных домашних дел и вся прочая „житейская“ суета задержали меня.

Еще раз прошу извинить меня за опоздание; смягчающим обстоятельством является чрезмерность и несоизмеримость дел, не позволяющих сколько-нибудь сосредоточиться на одном предмете.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении к Вам и преданности.

Борис Бугаев» (ф. 377).

Выслав автобиографию, Белый, однако, забыл исполнить другую просьбу Венгерова — о присылке портретов, своего и отца.¹⁹ В связи с этим он отправил следующее письмо к Венгерovu (Брюссель, 10 апреля 1912 г.):

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Бесконечно извиняюсь перед Вами 1) за слишком запоздалый ответ, 2) за то, что не прислал карточек.

Мое молчание извинительно: я — в Брюсселе, и далеко не с той точностью получаю я известия и письма из Москвы. Относительно портрета отца: наш секретарь „*Мусагета*“ в прошлом году попросил у мамы портрет, но забыл Вам отправить (я же

¹⁸ См.: Белый Андрей. Автобиографическая справка. (Из архива «Критико-биографического словаря»). — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. III (кн. VII). М., «Мир», 1916, с. 9—12.

¹⁹ 19 марта 1912 г. С. А. Венгеров писал Белому: «Большое спасибо Вам за очень интересную автобиографию, но еще одна просьба моя осталась неудовлетворенной: о портрете. Очень прошу Вас в самом непродолжительном времени прислать мне карточку Вашу и отца Вашего. Та и другая нужны для „Энциклопедического словаря“, где печатаются портреты русских деятелей; Ваша же, кроме того, для редактируемой мною „Литературы XX века“ (изд. товарищества «Мир»)» (ГБЛ, ф. 25, карт. 13, № 3). В письме от 28 марта ту же просьбу Венгерова повторил Белому сын исследователя В. С. Венгеров (ГБЛ, ф. 25, карт. 35, № 24). Оба письма, видимо, были отправлены по московскому адресу Белого и пересланы в Брюссель.

был в Африке²⁰), и портрет 6 месяцев пролежал в редакции „Мусагета“.

Вернувшись из Петербурга, я хотел тотчас же Вам прислать оба портрета: мой и отцовский. Но нахлынули дела и пришлось неожиданно уехать в Бельгию. Одновременно пишу моей матери, чтобы она выслала Вам портрет отца,²¹ и сам снимаюсь в Брюсселе. Еще раз, Семен Афанасьевич, прошу извинить меня за задержку.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и искренно преданный

Борис Бугаев.

Р. S. На всякий случай оставляю свой брюссельский адрес: Bruxelles. Place S-te Gudule. 25. Буду здесь два месяца»²² (ф. 377).

Отношения Белого с С. А. Венгеровым, завязавшиеся в связи с составлением автобиографий, получили развитие впоследствии, в 1917—1918 гг.

2

К самой ранней поре литературной деятельности Андрея Белого относится его неопубликованная статья «О религиозных переживаниях», предназначенная для журнала «Новый путь».

«Новый путь» — журнал, основанный Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и П. П. Перцовым и вышедший с января 1903 г. при участии многих писателей символистского направления, — ставил своей основной задачей свободное толкование религиозно-философских вопросов; проблематика его в значительной степени предопределялась темами религиозно-философских собраний, на которых в бурной полемике между ортодоксальным духовенством и представителями интеллигенции обсуждались идеи христианской религии и церкви в связи с насущными задачами современности. С целью расширения диапазона этих прений в журнале был учрежден отдел «Из частной переписки», предназначенный «для писем и сообщений, идущих из среды читателей».²³ В первом же номере журнала в этом отделе были напе-

²⁰ Белый с женой, А. А. Тургеневоной, путешествовал по Тунису и Египту в конце 1910—начале 1911 г.

²¹ В письме, отправленном матери, А. Д. Бугаевой, из Брюсселя 12/25 апреля 1912 г., Белый просил выслать Венгерову портрет отца: «Кожеваткин в прошлом году *не отправил* портрета, забыл <...> Венгеров *год ждет* моего и папиного портрета. И мне известно, что я перед очень почтенным человеком так некорректен» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 359). Упоминаемый в письме Александр Мелентьевич Кожеваткин (1884—1942) — секретарь «Мусагета» и владелец издательства «Альциона».

²² Белый жил в Брюсселе с 2 апреля (20 марта ст. ст.) (см. его письмо к матери, А. Д. Бугаевой, от 21 марта 1912 г.: ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 359) до конца мая 1912 г.

²³ Новый путь, 1903, № 1, с. 154.

чатаны (за подписью «Студент-естественник») отрывки из личного письма Белого к Мережковскому под заглавием «По поводу книги Д. С. Мережковского „Л. Толстой и Достоевский“». ²⁴ Санкции на это Белый не давал и поэтому был раздосадован фактом обнародования письма, ²⁵ однако вскоре после этого, в марте 1903 г., отослал для отдела «Из частной переписки» статью «О религиозных переживаниях. (К письму художника А. Б. и ответу Д. С. Мережковского. «Новый путь», февраль)».

Статья была написана в продолжение полемики А. Н. Бенуа и Д. С. Мережковского, напечатанной в том же отделе «Нового пути» под заглавиями «Письмо художника А. Б. к Д. С. Мережковскому» и «Ответ Д. С. Мережковского г. А. Б.». ²⁶ Суть письма Бенуа, выступавшего с открыто декларированной «западнической» точки зрения, заключалась в возвеличении искусства, как ценности безусловной, перед мистическими устремлениями к «новому искусству», вырастающему из «новой религии», и в протесте против того, что у искателей «новой религии» «Венера превращается в Мадонну». ²⁷ Мережковский в своем ответе отстаивал апокалиптичность, чувство конца как «величайшее утверждение мира», как «полноту, исполнение событий» и, следовательно, как последнее, величайшее торжество красоты. «Западническому», «предельному» взгляду Бенуа он противопоставил максималистские ми-

²⁴ Там же, с. 155—159. Мережковский и З. Н. Гиппиус чрезвычайно высоко оценили духовный пафос этого письма и пропагандировали его еще до публикации отрывков. В частности, Гиппиус дала письмо Белого на прочтение Блоку в первый день их знакомства (26 марта 1902 г.). Блок занес в дневник пространные выписки и конспект отдельных фрагментов из него, в некоторых частях не совпадающие с текстом, опубликованным Мережковским (Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 325—327).

²⁵ См. его письмо к Блоку от февраля—марта 1903 г.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 20—21.

²⁶ Новый путь, 1903, № 2, с. 156—160.

²⁷ За этими доводами Бенуа и его отстаиванием внутреннего, «интуитивного» христианства перед широковещательными исканиями Мережковского скрывалось глубоко неприязненное отношение к проблематике религиозно-философских собраний в целом. См. его письмо к П. П. Перцову от 25 марта 1902 г.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976, с. 38—39. В ответном письме от 10 апреля 1902 г. Перцов писал: «А Вы безжалостны к религиозно-философским. Я думаю, их не тем аршином мерять нужно: я и сам, когда смотрю на них как на нечто абсолютное (законодательное), сокращаю в интересе; а когда принимаю их как нечто относительное (симптом, комментарий), то начинаю глядеть вперед без боязни. Ведь всего год назад только несколько мистических эстетов меряли à pers perduz кабинет Зинаиды Николаевны под аккомпанемент неумолимых воззваний к действию, — а теперь все белое и черное духовенство переполошилось <...> я думаю, эти собрания (и вообще вся эта новейшая «протекция мистицизму») вызывают духа, с которым не им справиться. Радуются, что вода подошла под колесо и оно закрипело, — а пойдет на прибыль — всю плотину разнесет» (Сектор рукописей Гос. Русского музея (ГРМ), ф. 137, № 1389).

стические созерцания, присущие, с его точки зрения, «восточному» мироощущению. В конечном счете спор затрагивал основную проблему символистской эстетики, в последующие годы постоянно обсуждавшуюся, — проблему того, каким должно быть искусство — самоценным или подчиненным высшим задачам, исполняющим «теургическую» миссию.

Не опровергая взглядов ни того, ни другого оппонента, Белый выступил с собственной трактовкой поднятых ими вопросов, определенно заявляя при этом о своей «теургической» точке зрения. Разделяя в целом мистический пафос Мережковского, Белый, однако, перевел поднятые в споре Бенуа и Мережковского вопросы в область собственных духовных медитаций. В пору работы над статьей он был поглощен поисками обоснования цветовой семантики, разгадки ее потаенного мистического смысла и модуляцией цветовых представлений стремился воссоздать универсальный образ мироздания. Первую попытку отвлеченно истолковать значение отдельных цветов Белый предпринял в письме к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г.;²⁸ из него можно заключить, что к этой задаче он пришел в ходе своих постоянных наблюдений зорь и закатов и связанных с этим мистических созерцаний.²⁹ С оговоркой: «...тут я весьма субъективен: буду говорить прямо, надеясь на гений вашей понятливости», — Белый подробно развил свои мифологизированные представления о цветовой семантике в письме к Блоку, написанном 24 или 25 февраля 1903 г.³⁰

К своим цветовым трактовкам Белый относился с чувством большой ответственности. «Все это я не только внешне вывожу, но и „знаю“, „вижу“, — подчеркивал он в письме к Э. К. Метнеру от 14 февраля 1903 г.³¹ О важности цветовой символики для своего творчества Белый говорит и в неотправленном письме к Блоку от 25 марта 1903 г.³² Этим прежде всего для нас и значима сегодня статья «О религиозных переживаниях»: цветовые характеристики Белого дают своего рода ключ к пониманию символики цвета, притом не только в его ранних произведениях («симфониях» и стихотворениях из «Золота в лазури»), но и в последующем творчестве, в значительной степени предопределенном этими юношескими мифотворческими построениями. Преобладающая в статье религиозная терминология при этом — не

²⁸ ГБЛ, ф. 167, карт. 1, № 1.

²⁹ См. об этом в нашей статье «Мифотворчество „аргонавтов“» в кн.: Миф—фольклор—литература. Л., 1978, с. 160—161.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 148, л. 15—20. При публикации письма (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 21) «цветовые» рассуждения Белого были опущены.

³¹ ГБЛ, ф. 167, карт. 1, № 9.

³² В частности, Белый утверждал в нем: «...от цветов никогда не откажусь, ибо в цвете для меня заключено все то, что создает эзотеризм и цену религиозных образов. Тут для меня нечто до такой степени важное, необъятное, что может идти лишь речь о моем неумении говорить а не о том, о чем я хочу намекнуть цветом» (ГБЛ, ф. 25, карт. 30, № 1).

более чем удобный и понятный язык символов, на который возмущенный созерцатель пытается перевести свои эзотерические прозрения. В целом статья чрезвычайно характерна для раннего Белого с его теургическими порывами, «жизнетворческой» проповедью и дерзновенными поэтическими фантазиями. По своей стилистической системе она примыкает к таким ранним лирико-философским этюдам Белого, как «Певица», «Символизм как миропонимание», «О теургии», и в целом позволяет отчетливее представить духовный облик Белого-«аргонавта».

Продолжая в своей статье разговор о проблеме «взаимного соприкосновения искусства и религии», Белый отмечает: «Схем, конечно, можно придумать сколько угодно и за, и против. И не в логической обоснованности, не в красоте архитектоники суть. Важно, чтобы формально обоснованное светилось изнутри чем-то *ясным как день*. У каждого это *ясное как день* свое. При передаче каждый старается одеть это психологически понятное ему в ту философскую броню, которая наиболее впору. Мы, стоящие по ту сторону пессимизма, мы, пытающиеся одолеть Ницше, — мы знаем, что такое *схоластика* и что такое *несхоластика*, что относится к области догматизма или критицизма. Для удобства изложения, однако, мы с полным правом пользуемся всякой схоластикой и несхоластикой как внешним средством передачи этого *ясного как день* нашей души.

В том наше преимущество перед всеми поколениями, что мы это делаем и сознательно, и откровенно.

Конечно: существуют разные точки зрения на искусство. Разные ступени его рассмотрения. Судя по тому, из каких глубин нашего духа мы глядим на искусство, оно перед нами то в одном, то в другом освещении. Это не значит, что все эти освещения о разном: одна линия глубины — разнообразны языки глубин».

Далее Белый говорит о различных «зонах», в которых можно рассматривать искусство. Иерархия «зон» предполагает все большее приближение к «теургической» сущности искусства, к «несказанной, последней и окончательной тайне».

«Не умею нарисовать схему внутреннего пути так, как он мне представляется, — признается при этом Белый. — Фиксирую эту схему к цветам. В цвете есть *нечто*, действующее непосредственно. В последовательном изменении цветов — тень последовательной смены духовных видений.

Существуют, однако, несколько, так сказать, психологических констант, без которых нижеизложенное не покажется *ясным*. И о них два слова. Символ полного синтеза всех душевных способностей — белый цвет. Божественное, по мере того как оно передается нашей душе, окрашивает душу мягким белым сиянием. Отсутствие этого божественного рождает *черную* пустоту.

Опытное богопознание существует. Существует и символ его — белый цвет. Чертопознания нет. Мы не знаем методов познания черта — подалеже от этих ужасов! Не к черту обращены мы! Нет

поэтому и цвета, символизирующего Сатану. Остается *черный* цвет, как полное отсутствие божественности. Так понимает неофит (более углубленное знание скажет сердцу иное). Небытие (черное), *воплощенное* в бытие (белое), придает такому бытию призрачно-серый характер. Серая жизнь призрачна. Черт, воплощаясь, являясь нам, — сер: тут прозрения Д. С. Мережковского глубоко-бездонны.³³

В беспринципном скептицизме впервые обнаруживается на событиях *серый* налет, налет призрачности — пыли. Открывается: ужас — бездна пошлости. Носится *серая* стая, осаждающаяся повсюду. Душит и гасит светоч жизни, слабо мерцающий в руках. Какая странная картина!..

„Серость“ как „*нуменьный*“ ужас и грех — вот одно из величайших открытий конца XIX века. Наряду с этим важно и то, что *белый*, сверкающий луч солнца, затененный *серым*, кажется *огненно-красным*. Интересно, что солнечные лучи, проходя сквозь непрозрачную среду, нам кажутся *красными*. И это важнее, чем кажется сперва. *Огненно-красного* нет. Это — отношение: белый светоч сквозь серую стаю ужаса, серая стая, затмевающая сиянье, — все, что угодно, только не само по себе».

Наметив эти «психологические константы», Белый дает далее в цветовых символах «схему стадий внутреннего пути» — в градациях от «огненно-красного» к «красному как кровь», к розовому и воздушно-белому и, наконец, к «внецветному» (безусловному), символизирующему мысль о конце мира и «исполнении сроков»: «... чувство конца — быть может, вообще чувство *новозаветности*, естественное чувство первых христиан (впоследствии утраченное) — необходимый коэффициент, преломляющий, высветивающий действительность; он придает этой действительности христианский оттенок — радостно-ожидательный. Быть может, вся-то жизнь христианства зависит от этого чувства. И ощущение конца не может быть понимаемо как ощущение собственного конца — ведь мыслью о конце в наше время занято скорее *молодое* поколение.

Но когда конец? Как известно, об этом никто не знает, даже Сын. Но мы постоянно должны быть готовы. И нет в этом ничего удручающего, утомляющего, страшного, идущего *вопреки чему бы то ни было*. Наоборот: высочайшая радостная легкость, вечное утверждение себя в Боге — вечная песнь пред Господом...» (ф. 654, оп. 3, № 70).

Попытка Белого изобразить своеобразную эволюцию цветов как символ внутреннего духовного пути к совершенству встретила в редакции «Нового пути» недоумение. Такой отклик нетрудно было предвидеть, поскольку медитации Белого и его образная символика были предельно эзотеричны, развивались по безгра-

³³ См.: Мережковский Д. С. Судьба Гоголя. — Новый путь, 1903, № 1, с. 43, 47.

лично индивидуальным, «самопорождающим» творческим законам и совершенно не вписывались в систему отчетливых объективно-идеалистических представлений и понятий, за пределы которых основные авторы журнала старались не выходить. Из читавших статью высоко оценил ее один только Блок, сочтя ее «очень важной» и стимулирующей к дальнейшим исканиям.³⁴ В то же время он сообщал Белому (20 марта 1903 г.): «Перцов нашел статью „О религиозных переживаниях“ непонятной и не хочет ее печатать. Отдал мне, чтобы я переслал Вам. Если Вам нужно, я немедленно пришлю, но пока оставляю у себя. Приятно бы ее иметь, как необходимое дополнение к Вашему письму о „цветах“».³⁵ В ответном письме Белый заметил: «Мне совсем не нужно моей рукописи в „Новый Путь“»,³⁶ — и статья так и осталась у Блока. Тем же 1903 годом датирована статья Белого «Священные цвета», в которой его «теософия цветов» получила дальнейшее развитие и обоснование на материале русской поэзии и библейских текстов.³⁷ О своей же другой статье сходной тематики Белый прочно забыл. Подтверждением этого служит ошибка, допущенная им в «Комментарии Бориса Бугаева к первым письмам (переписки) Блока к Бугаеву и Бугаева к Блоку» (1926): поясняя слова Блока о статье «О религиозных переживаниях», Белый пишет, что «речь идет о статье, напечатанной после под заглавием „Священные цвета“; она лишь в 1904 году была напечатана в „Мире искусства“».³⁸

Стремясь завоевать по возможности более широкую аудиторию, руководители «Нового пути» опасались публиковать подчеркнуто «декадентские» или лирически-субъективные произведения, к каковым они, безусловно, должны были причислить и статью Белого. Характерно, что в журнале в изобилии печаталась малохудожественная традиционная проза третьестепенных авторов, в то время как представителям «нового искусства» отводилось (при учете того, что «Новый путь» в своей художественной части все же ориентировался на символистов) сравнительно скромное место. Вполне допустимо, что статья Белого действительно оказалась в редакции «Нового пути» недоступной для

³⁴ См. письмо Блока к Белому от 20 марта 1903 г.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 28.

³⁵ Там же, с. 27. Отметим, что первоначально Перцов, видимо, все же намеревался статью опубликовать: на рукописи Белого в ряде мест имеются его редакторские поправки.

³⁶ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 30. В неотправленном письме к Блоку от 25 марта 1903 г. Белый заметил по поводу своего этюда о «цветах»: «Вполне допускаю субъективизм его и невозможность напечатания в „Новом пути“» (ГБЛ, ф. 25, карт. 30, № 1).

³⁷ См.: Белый Андрей. Арабески, с. 115—129.

³⁸ Cahiers du Monde russe et soviétique, 1974, vol. XV, N 1—2, p. 88. В «Мире искусства» в 1904 г. (№ 5) была помещена статья Белого «Символизм как миропонимание», в которой также говорится о «теософии цветов» (с. 187).

восприятия, как это не раз бывало ранее с другими его текстами: ³⁹ между отчетливыми программными установками Мережковского и эзотерическими пророчаниями Белого не всегда легко было найти общий язык. Примечательно, что непонятной статью нашел даже Перцов, обычно защищавший «субъективные» произведения от суда своих коллег по редакции.⁴⁰ Белый был решением редакции глубоко уязвлен. «Перцов не захотел поместить одно мое письмо, ссылаясь на непонятность его для публики, — писал он 9 апреля 1903 г. Э. К. Метнеру. — И хотя он меня просил присылать каждый месяц что-нибудь даже по несколько строк, хотя мы с ними в прекрасных отношениях, но я решил твердо не давать им ничего по крайней мере несколько месяцев».⁴¹ Эпизод со статьей «О религиозных переживаниях» — первый случай разногласия Белого с редакцией «Нового пути»; в последующие месяцы его недовольство деятельностью журнала будет все нарастать. 25 июля 1903 г. Белый сообщал Э. К. Метнеру: «... у нас с „Новым Путем“ глухие и продолжительные неладья и даже „старые счеты“... Вот почему уже месяцев „5“ я принципиально не печатаюсь в „Новом Пути“, несмотря на просьбы Мережковского и Перцова, которые, выказав много пристрастности и тенденциозности, оттолкнули меня от себя (не как люди, а как деятели)».⁴²

Обиды и осложнения отношений способствовали тому, что в 1904 г. Белый оказывается гораздо более близок к «эстету» Брюсову и основанному им журналу «Весы», чем к родственным ему «мистикам» Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус.

3

В Пушкинском Доме хранятся и другие материалы Белого дореволюционного времени, в частности небольшое число творческих рукописей. Среди них — автограф стихотворения «Жизнь» (1908), почти не отличающийся от его печатной редакции (р. I,

³⁹ Так, 9 июля 1902 г. З. Н. Гиппиус писала П. П. Перцову: «От Бугаева громадное письмо, но ничего не понимаю. И Д. С. «Мережковский» ничего не понимает. Отчаяние!» (ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1234). О другом письме Белого она же писала Блоку (15 ноября 1902 г.): «Дам вам прочесть письмо Бугаева *résumé reçu* (недавно полученное, — А. Л.), которое мы напрасно старались понять с Сологубом» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, № 26).

⁴⁰ Ср., например, его письмо к Блоку от 8 декабря 1903 г.: «Вы знаете мои симпатии к Вашей музе и поэтому поверите, что, если бы это зависело только от меня, — стихи Ваши непременно были бы напечатаны в „Новом пути“. Но, к сожалению, против них существует такая упорная и обширная оппозиция, что, в настоящее по крайней мере время, я лишен возможности это сделать» (Литературное наследство, т. 92, кн. 1. М., 1980, с. 461). См также: Перцов П. Ранний Блок М. «Костры», 1922, с. 35—36.

⁴¹ ГБЛ, ф. 167, карт. 1, № 13.

⁴² Там же, № 19

оп. 2, № 52),⁴³ беловая рукопись (без окончания) статьи «Синематограф» (р. I, оп. 1, № 377), относящейся к «весовскому» циклу статей Белого «На перевале»,⁴⁴ и др. Наиболее любопытна беловая рукопись статьи Белого «Realiora» из того же цикла (р. I, оп. 2, № 19), полемически направленная против прочитанной в Москве лекции Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме».⁴⁵ Белый усмотрел в концепции Иванова попытку попутно дискредитировать отдельные философско-эстетические положения, высказанные ранее им, Белым, воспользовавшись в то же время основными его идеями, и тем самым внести дополнительную лепту в продолжавшуюся полемику между «московскими» и «петербургскими» символистами. В ответной статье Иванов разъяснял неосновательность упреков Белого, подчеркивая кардинальные отличия своих идей от взглядов своего критика.⁴⁶

В печатном тексте статьи Белого наиболее резкие места опущены; можно предположить, что это сделал Брюсов, фактический руководитель «Весов» и единственный из ближайших сотрудников журнала, который находился тогда с Ивановым в корректных отношениях и выслушивал от него постоянные упреки в потворстве полемическим перегибам «весовских» идеологов.⁴⁷ Приводим две большие купюры в статье. Первая после абзаца, заканчивающегося словами «...почитал бы Исаака Сириянина»: ⁴⁸ «Для чего понадобилось г. Иванову создавать своего „буку“ — символический идеализм; очевидно, чтобы заклеймить им кого-то: кого, г. Иванов? Выскажите открыто: в открытой полемике больше благодетства.

Или г. Иванов вовсе не влагал в свой доклад полемический смысл? В таком случае извиняюсь: но меня неоднократно смущали третьи лица из публики, принявшие доклад г. Иванова за полемику против Москвы.

И вот для этих третьих лиц я должен сделать заявление, что реальность символизма и провиденциальное значение художника принимается не одним г. Ивановым, и что все мы в прежние годы еще до выступления г. Иванова в роли пророка неоднократно высказывались на эту тему» (р. I, оп. 2, № 19, л. 5).

⁴³ См.: Белый Андрей. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, с. 107—108. В рукописи пыле варианты первой («Пропосится над тайной жизни») и четвертой строки («Возносятся под облаками») и отсутствует посвящение стихотворения памяти Ю. А. Спидорова.

⁴⁴ Бугаев Борис. На перевале. VIII. Синематограф. — Весы, 1907, № 7, с. 50—53.

⁴⁵ Бугаев Борис. На перевале. XII. Realiora. — Весы, 1908, № 5, с. 59—62.

⁴⁶ Иванов Вяч. Б. Н. Бугаев и «Realiora». — Весы, 1908, № 7, с. 73—77.

⁴⁷ См. отражение этой темы в переписке Брюсова и Иванова: Литературное наследство, т. 85, с. 499—506, 513—516.

⁴⁸ Весы, 1908, № 5, с. 61.

Вторая купюра относится к заключительной части статьи (после абзаца, заканчивающегося словами «...риторических утверждений религиозного творчества»):⁴⁹ «Я никогда не уделю бы реферату г. Иванова столько места, если бы этот заурядный реферат не был столь претенциозен и не метил бы (совершенно неосновательно) на некоторое идейное течение современного искусства.

„Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь“ (Валерий Брюсов).

Вот истинный лозунг поэта» (там же, л. 7).

К 1910-м годам относятся письма Белого, характеризующие его общение с Ф. Сологубом и А. М. Ремизовым. Два наиболее значительных его письма к Сологубу (1908 и 1909 гг.) уже были опубликованы ранее вместе с краткой характеристикой взаимоотношений писателей.⁵⁰ Письма к Сологубу 1910-х годов представляют большой интерес для характеристики Белого в период пребывания за границей. Первое из них отправлено из Брюсселя 20 апреля 1912 г.⁵¹ в связи с предложением Сологуба (видимо, в несохранившемся письме) послать рукопись еще не законченного тогда романа «Петербург» для перевода на немецкий язык:

«Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузмич!

Очень Вам благодарен за память обо мне. Непременно воспользовался бы Вашим любезным приглашением послать рукопись моего романа переводчице; но у меня уже есть соглашение с переводчицей первой части „Голубя“;⁵² соглашение это мне тем более удобно, что переводчица моя⁵³ пристроена при одном немецком издательстве. Федор Кузмич, получили ли Вы первый № нашего маленького журнала, который вышел в Москве в мое отсутствие.⁵⁴ Если нет, извиняюсь за медлительность нашего секретаря. Вы, конечно, будете его получать.

Извиняюсь также и за долгое мое молчание. Оно объясняется тем, что я уехал в Брюссель, где и живу уже 2 недели, а письма

⁴⁹ Там же, с. 62.

⁵⁰ Белый Андрей Письма к Ф. Сологубу. Публикация С. С. Гречинкина и А. В. Лаврова. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974, с. 131—137.

⁵¹ Датируется по почтовому штемпелю (у Белого помечено: «Брюссель. Апрель 12 года»).

⁵² Под «первой частью „Голубя“» подразумевается «Серебряный голубь»; первоначально Белый называл «Петербург» второй частью этого романа. Первый немецкий перевод «Серебряного голубя» см.: Belyj Andrej. Die silberne Taube Roman. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt am Main, 1912.

⁵³ Лулли Вибек. Сохранились ее письма к Белому (1910—1914), содержащие вопросы по тексту «Серебряного голубя» (РБЛ, ф. 25, карт. 13, № 6).

⁵⁴ Первый номер журнала «Труды и дни», выпущенного издательством «Мусагет» под редакцией Белого и Э. К. Метнера, включил статьи Белого «О символизме», «Об изданиях Мусагета в серии «Орфей»», «О журавлях и синицах» (последняя — под псевдонимом Suncinator).

из России неуклонно опаздывают. Здесь очень тихо и хорошо. Мы с женой работаем: я — над романом; она — над гравюрой.⁵⁵ В часы досуга идем смотреть старых немцев и фламандцев или сидим в кафе.

Жизнь течет монотонно и с приятным забвением; иногда голько набегут известия из Москвы; и всегда это — темное облако с душными сплетнями.

Желаю Вам и Вашей супруге приятного лета. Анастасии Николаевле⁵⁶ мой привет и уважение. Остаюсь глубокоуважающий Вас и искренне преданный

Борис Бугаев» (ф. 289, оп. 3, № 98).

Второе заграничное письмо Белого к Сологубу относится ко времени его пребывания в Дорнахе (Швейцария), где Белый и А. Тургенева участвовали в строительстве антропософского центра Гетеанума, оказавшись после начала мировой войны фактически отрезанными от России и лишенными материальных средств. Письмо не датировано, написано оно, видимо, в ноябре 1915 г. (20 ноября 1915 г. Белый отправил Иванову-Разумнику письмо с той же просьбой, что и к Сологубу).⁵⁷

«Многоуважаемый Федор Кузмич,

извиняюсь за это письмо: оно — так неожиданно. Я сижу, молчу вот уже скоро 3 года за границей; ни с кем не в переписке; и — пишу Вам. Вас должно удивить это. Но и *сизжу*, и *молчу* я давно уже с определенною целью; *сизжу* и *молчу* от сложных и очень деликатных мотивов; когда и в Тебе, и вокруг Тебя так сложно, то от сложности... не говоришь; далее: все эти мотивы, вынуждающие меня молчать и сидеть, с момента войны усложнились; не объяснишь, почему именно Ты, будучи *русским*, не вернулся в Россию, а остался там, где был прежде, хотя, конечно, душою рвался в Россию. Оттого-то я никому, ничего о себе не писал. А если рискнул обратиться к Вам с этим письмом, то это потому, что я вспомнил Ваше любезное отношение ко мне и Ваши хорошие слова, сказанные мне однажды Вами, как писателю.⁵⁸

⁵⁵ В мае 1912 г. в Брюсселе Белый закончил 4-ю главу «Петербург» (Белый Андрей. Материал к биографии (интимный)..., л. 60). Жена Белого, художница Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890—1966), проходила там курс обучения у гравера Данса.

⁵⁶ А. Н. Чеботаревская (1876—1921) — писательница и переводчица, жена Ф. Сологуба (с осени 1908 г.) и соавтор ряда его произведений.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 6.

⁵⁸ Видимо, Белый подразумевает произнесенный Сологубом в феврале 1912 г. «неожиданный панегирик» первым главам его романа «Петербург» (см.: Белый Андрей. Начало века. М.—Л., 1933, с. 446—447). Высокого мнения Сологуб был и о третьей «симфонии» Белого «Возврат»: «Мне помнится, что о книге моей, только вышедшей, — книге „Возврат“ — выражался Ф. К.: — Вот — хорошая книга» (Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. — В кн.: Эпопея, № 2. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 188).

Я обращаюсь к Вам сейчас за помощью: за советом, а может быть, даже и за содействием. Я пишу 3-ю часть моей трилогии («Восток или Запад» — только еще принялся);⁵⁹ и скоро, месяца через 1½—2, мог бы уже предложить издательствам мою рукопись. Роман называется „Моя жизнь“; первая часть „Годы младенчества“ будет готова через 2 месяца;⁶⁰ но я не знаю, кому я могу теперь *просто предложить* ее: я отрезан от России; ничего, кроме газеты, не доходит до меня (живу я в деревне); 4 года уже скоро, как я ни <с> кем, кроме „Сирин“,⁶¹ не был в сношении; и я растерял: адреса, издательства, словом, все, что меня связывает с литературой; не знаю просто, куда обратиться; между тем у нас с женой всего несколько сот франков (500), на которые *ни* уедешь в Россию, *ни* проживешь здесь; и вот это-то критическое положение вместе с полной отрезанностью заставляет переживать очень тяжелые минуты и вспомнить, что мой роман „Петербург“ отдельной книгой не издан, что не издана вовсе книга моя „Путевые заметки“,⁶² что „Серебряный Голубь“

⁵⁹ Первоначально Белый предполагал завершить трилогию, начатую «Серебряным голубем» и «Петербургом», романом под названием «Невидимый Град» (см.: Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX—начала XX века. Л., 1977, с. 248—251). Написанный же вместо этого в 1915—1916 гг. роман «Котик Летаев» не завершал трилогию, а открывал новый цикл автобиографических произведений.

⁶⁰ В письме к Иванову-Разумнику, отправленном 20 ноября 1915 г., Белый в связи с этим писал: «Теперь же сижу над 3-ей частью „Трилогии“, которая разрастается ужасно и грозит быть трехтомием. Называется она „Моя жизнь“: первый том — „Детство, отрочество и юность“. Первая часть тома, как и две другие части в сущности самостоятельны; ее кончу через 2—2½ месяца; она называется „Котик Летаев“ (годы младенчества); и мне бы хотелось ее пристроить в какой-нибудь журнал, в какой — не знаю; в ней 200 страниц, 5 глав» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 6). Полгода спустя, высылая Иванову-Разумнику рукопись «Котика Летаева», Белый писал (23 июня 1916 г.): «„Котик Летаев“ есть первая часть огромного романа „Моя жизнь“, в нем 7 частей: „Котик Летаев“ (годы младенчества), „Коля Летаев“ (годы отрочества), „Николай Летаев“ (юность), „Леонид Ледяной“ (мужество), „Свет с востока“ (восток), „Сфинкс“ (запад), „У преддверия Храма“ (мировая война)... Каждая часть — самостоятельное целое. Предоставляю Вам право что угодно делать с рукописью» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 7). «Котик Летаев» был опубликован (с подзаголовком «Первая часть романа „Моя жизнь“») в альманахе «Скифы» (сб. 1—2. [Пг.], 1917—1918). Из замысла «Моей жизни» (другое название — «Эпопея») были реализованы только «Котик Летаев», «Крепченый китаец» («Преступление Николая Летаева») и примыкающие к ним «Записки чудака».

⁶¹ В трех сборниках «Сирин» (СПб., 1913—1914) был опубликован роман Белого «Петербург».

⁶² Издание «Путевых заметок» Белого предполагалось в «Мусагете» в 1912 г., но не было осуществлено (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год, с. 224). Первый том книги был издан дважды: 1) Офейра. Путевые заметки, ч. 1. «Книгоизд-во писателей в Москве», 1924; 2) Путевые заметки, т. I. Сицилия и Тунис. М.—Берлин, «Геликон», 1922. Второй том отдельным изданием не вышел; главы из него печатались в журналах и альманахах.

уже 3 года (больше) исчерпан, что „Пепел“ (книга стихов) и некоторые симфонии тоже давно распроданы; я не знаю, насколько я,⁶³ как писатель, заслуживаю внимания, но я мог бы предложить и собрание своих сочинений; только я не знаю — кому, куда и когда; я мог бы продать 1) мою трилогию («Серебряный Голубь», «Петербург», «Моя жизнь»). Мог бы предложить собрание стихов, „Путевые заметки“, что угодно, но... — опять-таки... не знаю кому и куда; между тем материально я могу прожить лишь 1½ месяца; и далее оказаться без гроша в чужой стране и в очень трудных и сложных жизненных условиях. За себя я не боюсь, но боюсь за жепу, которая очень слаба, переутомлена работой и почти больна. Вот я и обращаюсь к Вам, Федор Кузмич, с просьбой: или посоветовать мне письмом, а если будет случай (Вам легко, Вы живете в Петербурге), то, может быть, Вы замолвите слово обо мне кому-нибудь. Извиняюсь за беспокойство, но — что же мне делать? Зная, что письмо идет 3 недели (минимум в Россию и три недели назад) и зная, что через шесть недель Ты без гроша, приходится поневоле просить о помощи тех из знакомых писателей, кто о Тебе, как писателе, неплохого мнения.

Я просил друга в Москве похлопотать с моими книгами, он — обещал: и вот пишет, что устроить ничего нельзя.⁶⁴ Это было для меня... почти ударом, потому что я так надеялся, что что-нибудь устроится. Вот я и обращаюсь к Вам. Помогите мне, Федор Кузмич: и за совет мне сюда, и за слово, замолвленное обо мне в Петербурге, буду глубоко благодарен Вам. Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Анастасии Николаевне.

P. P. S. Мой адрес: *Suisse*. Dornach (près de Bâle). Maison Emil Thomann. Boris Bougaïeff. Рукопись двухтомного собрания стихов, приготовленного к печати,⁶⁵ и рукопись „Путевых заметок“ находится у Разумника Васильевича Иванова (Васильевский Остров, 5 линия, д. 28, контора типографии Стасюлевича) (ф. 289, оп. 3, № 98).

Видимо, Сологуб ознакомил с содержанием этого письма Блока. «Получили ли Вы уже письмо от Бориса Николаевича

⁶³ У Белого описка: «поскольку».

⁶⁴ Видимо, имеются в виду либо Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958), переводчик и музейвед, либо Михаил Иванович Сизов (1884—1956), писатель, переводчик, публицист, либо Владимир Оттонович Нилендер (1883—1965), переводчик и филолог-классик.

⁶⁵ Двухтомное собрание стихотворений, построенное по хронологическому принципу, было подготовлено Белым для издательства «Сириус» летом 1914 г. Издание не было осуществлено, см.: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого, с. 583, 596.

Бугаева? — спрашивал Блок Иванова-Разумника в письме от 6 декабря 1915 г. — Я узнал, что он находится в исключительно тяжелом положении, доживает последние деньги». ⁶⁶ Блок с Ивановым-Разумником взяли на себя хлопоты по оказанию Белому материальной помощи. Они добились для него денежной ссуды от Литературного фонда, а также организовали отдельное издание романа «Петербург», которое увидело свет в апреле 1916 г.

Заграничное пребывание Белого (апрель 1912 — август 1916 г.) было нарушено лишь однажды приездом в Россию (март—август 1913 г.). Почти все эти месяцы Белый провел в Боголюбах под Луцком — имени отчима А. Тургеневой, где усиленно дописывал «Петербург». В апреле 1913 г. А. М. Ремизов прислал ему только что вышедшую в издательстве «Сирин» свою книгу «Подорожие», включавшую повесть «Пятая язва» — одно из вершинных произведений писателя, вызвавшее большой общественный резонанс. ⁶⁷ Белый, и ранее с большим вниманием, а нередко и с восхищением относившийся к произведениям Ремизова, ⁶⁸ писал ему по прочтении книги:

«Глубокоуважаемый и милый, милый
Алексей Михайлович!

Громадное спасибо за книгу, за подарок к Светлому Дню. Воистину воскрес! ⁶⁹

Книгу Вашу прочел, не прочел, а проглотил. „Пятую Казнь“ ⁷⁰ еще никогда не читал. Она меня глубоко потрясла. Как открыл, так и не мог оторваться.

Это — что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы.

„Вехи“ русской литературы, которые потом будут критикою превращены в шоссе среди пустырей; среди пустырей обозначаются для меня редко, редко подобные произведения. Так для меня было с „Куликовым полем“ Блока, ⁷¹ с „Толстой и Достоевский“ Мережковского когда-то, с Вашей повестью, читанной Вами в Академии поэтов в 1910 году; ⁷²

⁶⁶ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 233.

⁶⁷ «Пятая язва» впервые была опубликована в октябре 1912 г. в «Литературно-художественном альманахе издательства „Шиповник“» (кн. 18).

⁶⁸ Белый рецензировал книги Ремизова «Посолозь» (Критическое обозрение, 1907, вып. 1, с. 34—36), «Пруд» (Весы, 1907, № 12, с. 54—56), «Чертов лог и Полуночное солнце» (там же, 1908, № 2, с. 79—80), «Часы» (там же, № 6, с. 67—68; подпись: Яновский). См. также: Белый Андрей. Арабески, с. 475—480.

⁶⁹ Пасхальная неделя в 1913 г. приходилась на середину апреля.

⁷⁰ Так Белый ошибочно называет «Пятую язву».

⁷¹ Цикл Блока «На поле Куликовом» Белый прочел летом 1910 г. и отнесся к нему восторженно (Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. — Эпопея, № 3. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 172—173).

⁷² Имеется в виду повесть Ремизова «Неуемный бубен», которую он прочел на заседании «Общества ревнителей художественного слова» в Пе-

можно сказать, что „*Пягая Казнь*“ есть то, чем будет гордиться период 1910—1913 года. За этот период времени ничто меня не потрясло так, как „*Пятая Казнь*“, разве только когда-то „*Куликово поле*“. „*Куликово поле*“ и „*Пятая Казнь*“ произведения вещи. Спасибо, спасибо не только за память и за книжку, но спасибо еще за „*Пятую Казнь*“. Если только управлюсь скоро с романом,⁷³ непременно напишу о ней статью в „*Трудах и днях*“, ибо она — *событие*.

Милый Алексей Михайлович, надеюсь увидеться с Вами и с Серафимой Павловной⁷⁴ скоро, в Петербурге, если еще там будете (мы будем мая 11—12-го).⁷⁵ Если нет, то... увидимся же где-нибудь!..

Милый, дай Бог Вам тишины, труда. И Бог дай Вам еще „*Пятых казней*“.

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

От нас с Асей привет Вам и Серафиме Павловне.

Р. С. Никому не говорите, что мы будем в Петербурге: мы стали дикарями, и никого видеть не хотим» (ф. 256, оп. 1, № 40).

Намерения своего написать статью о «Пятой язве» Белый не осуществил, и письмо так и осталось единственным документом, характеризующим его отношение к этому произведению.

30 января 1917 г. Белый приехал из Москвы в Петроград, а 31 января поселился у Иванова-Разумника в Царском Селе,⁷⁶ где провел весь следующий месяц, работая над статьей «Жезл Аарона» и исследованием «О ритмическом жесте» и лишь по мере необходимости выезжая в столицу. 17 февраля он писал Ремизову:

тербурге в феврале 1910 г. Белый после этого обещал организовать ее издание в «Муссагете». Редакция издательства, однако, решила не печатать повесть (в силу того что в планы «Муссагета» не входило издание беллетристических произведений, а также из-за бюджетных и иных сложностей). 24 мая 1910 г. Ремизов писал в связи с этим Белому: «Если я обратился к Муссагету, то единственно памятуя Ваши слова после „Неумного бубна“, что Муссагет мою книгу новую издаст обязательно» (ГБЛ, ф. 25, карт. 22, № 5). Белый в ответном письме изложил существо дела, прибавив: «Мне было больно и трудно с этим согласиться, и я все откладывал Вам ответ, думая, что мне удастся склонить к изданию, но получил в деревню письмо, извещающее меня о принятом уже решении» (ГПБ, ф. 634, № 42). «Неумный бубен» был впервые опубликован в «Альманахе для всех» (СПб., изд. «Нового журнала для всех», 1910).

⁷³ В апреле 1913 г. Белый закончил работу над 6-й главой «Петербург», полностью роман был завершён в ноябре 1913 г. (Белый Андрей. Материал к биографии (пятилетний)..., л. 64 об., 68 об.—69).

⁷⁴ С. П. Ремизова-Довгелло (1876—1943) — жена А. М. Ремизова.

⁷⁵ Белый приехал в Петербург 11 мая 1913 г. (см. дневниковую запись Блока: Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 7. М.—Л., 1963, с. 250) проездом в Гельсингфорс, куда он направлялся слушать цикл лекций Р. Штейнера.

⁷⁶ См.: Белый Андрей. Жизнь без Аси. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 1.

«Дорогой Алексей Михайлович,

что за несчастье! Опять вторично простудился: все недосиживаю дома; эти выезды в Петроград⁷⁷ по морозу с возвращением ночью домой, да еще в моей шубе, сиденье в ней в теплых вагонах и потом выход на холод простужают. После лекции как вернулся, почувствовал себя опять больным. Чтобы не схватить воспаления, должен основательно отсидеться: отрывочек мой не вполне годится: высылаю стих — какой есть.⁷⁸ Буду у Вас непременно, но тогда, когда простуда отпустит: очень уж трудно у Вас по Петрограду передвигаться: стояла бы мягкая погода, было бы легче. Серафиме Павловне привет. Скоро — надеюсь — свидимся.

Остаюсь искренне преданный и любящий Вас кавалер „Обезьяньего знака“⁷⁹

Борис Бугаев (ф. 256, оп. 1, № 40).

В тот же день Белый отправил письмо Ф. Сологубу, в котором также извещал о своей болезни: «Страшно хочется быть у Вас; и — противная простуда: привязалась и не отпускает» (ф. 289, оп. 3, № 98). Болезнь в совокупности с другими причинами воспрепятствовала выступлению Белого в Петроградском университете в пушкинском семинарии С. А. Венгерова с рефератом «О слове в поэзии» (по только что написанной им в январе—феврале статье «Жезл Аарона»)⁸⁰. Позднее, в октябре 1917 г., Белый выступил в семинарии Венгерова с обоснованием теории ритмического жеста — по материалам проводившихся им

⁷⁷ Накануне, 16 февраля, Белый выступал в Петрограде на заседании Религиозно-философского общества с лекцией «Творчество мира» (ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 1).

⁷⁸ Видимо, стихотворение «Искра» («Я засыпал... Стремительные мысли...», 1914), опубликованное в альманахе «Страда» (кн. 2. Пг., 1917, с. 84); под заглавием «Дух» вошло в книгу Белого «Звезда» (Пб., 1922, с. 41).

⁷⁹ В 1908 г. Ремизов основал шуточное фантастическое общество — «Обезьянья Великая и Вольная палата» («Обезвездволпала»), в котором сам выступал в роли «обезьяньего царя» Асыки Первого. Члены «Обезвездволпала» (к ним принадлежали многие литераторы) получали от Ремизова особые «грамоты» и «знаки» (см.: Греч и шкин С. С. Архив А. М. Ремизова. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 32—34). Для Белого Ремизов изготовил «обезьяний знак» с «грамотой»: «Борису Николаевичу Бугаеву Андрею Белому за претерпение ратное, за стихи, еще неполученные, обезьяний знак первой степени с хвостом. Дан для ношения. 24 I 1917. Алексей Ремизов» (ГБЛ, ф. 25, карт. 22, № 5).

⁸⁰ Статья опубликована в кн.: Скифы, сб. 1, с. 155—212. Приглашение «от имени Кружка прочитать реферат по какому-нибудь отделу методологии» Венгерова сделал Белому в записке на обороте приглашительного билета на его лекцию 16 февраля, который передал с двумя представителями пушкинского семинария (ГБЛ, ф. 25, карт. 35, № 25); с ними Белый и условился о теме и сроках своего выступления.

в это время стиховедческих исследований.⁸¹ 20 февраля 1917 г. Белый писал Венгеру из Царского Села:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

Мне бесконечно стыдно и больно, что приходится отказаться от чести присутствовать у Вас в „Пушкинском кружке“ и беседовать на тему „О слове в поэзии“, — тем более стыдно, что на любезное приглашение членов Кружка я согласился. Я бы, разумеется, не отказался бы, если бы был в других условиях, если бы, например, со мною был бы рабочий материал, который пришлось оставить мне за границей, если бы я был здоров, не связан срочной работой, и главное: если бы я был уверен, что до субботы останусь в Петрограде. Но, во-первых, — очень неважно себя чувствую (инфлуэнца); во-вторых, — мне обещан билет (на субботу-воскресенье); ввиду трудности проезда размышлять долго не приходится: мне застрять в Петрограде нельзя. Наконец: без фактического материала пришлось бы сказать нечто „общее“, что в моей теме не может составлять особого интереса для знатоков деталей поэзии. Словом, приходится извиниться за нарушенное обещание.

Ужасно жалею, что не имел чести видеть Вас. Я бы был у Вас с визитом, если бы не плохое здоровье: теперь не знаю, когда выеду из Царского: а в предотъездные дни — ряд досадных дел.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Борис Бугаев.

Р. М. Извиняюсь еще раз перед членами „Пушкинского кружка“» (ф. 377).

Выехать в Москву согласно своим планам Белому, однако, не удалось: началась февральская революция, и ее решающие дни он провел в Петрограде в самой гуще событий. О 28-м марта, в частности, Белый записал: «Революция на улицах. Пять раз был под пулеметами. Беседа с Масловским, в редакции» „Дня“ у Мережковских».⁸² Попастъ в Москву Белый сумел только 9 марта.

⁸¹ См.: Пушкинист. Историко-литературный сборник под ред. проф. С. А. Венгерова, III. Пг., 1918, с. VIII. В перечне своих выступлений «Себе на память» Белый ошибочно отнес этот доклад к февралю 1917 г. (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 7); ср. примеч. 85. На стиховедческих докладах Белого Венгер присутствовал еще в феврале 1910 г. и отнесся к результатам его работы «с большим вниманием» (Белый Андрей. Между двух революций. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934, с. 395).

⁸² Белый Андрей. Жизнь без Аси. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 1. Масловский — настоящая фамилия Сергея Дмитриевича Мстиславского (1876—1943), писателя и общественного деятеля. Мстиславский вспоминает о своих встречах с Белым в эти дни: «... хотя знакомство наше состоялось еще в 1916 году, но первый „большой“ разговор был накануне февральского переворота. Белый обедал в этот день у меня и, поскольку

Последующие письма Белого к С. А. Венгеру были связаны с его обещанием представить для издания «Русская литература XX века» статью о Вячеславе Иванове.⁸³ В ней давался анализ творчества Иванова в связи с его философско-эстетическими убеждениями; впервые в критике тех лет была освещена проблема поэтического слова у Иванова. Белый трудился над статьей в ноябре—декабре 1917 г.⁸⁴ и направил по этому поводу несколько писем Венгеру. Первое из них написано 6 (19) ноября 1917 г.:

«Глубокоуважаемый и дорогой Семен Афанасьевич,

Мне бесконечно больно и горько, что произошло недоразумение с заседанием. Я был введен в заблуждение слухами о железнодорожной забастовке и другими факторами, помешавшими приехать на прения по поводу моего доклада.⁸⁵

Статью о В. Иванове писал и упорно работал над нею до 27-го, когда у нас началась перестрелка; выстрелами разбита наша квартира: неделю мы жили в ванне; теперь в комнатах царит холод: жить почти нельзя в них, работать — подавно; постараюсь выехать за Москву и тотчас же приняться за порученную мне статью; опоздание не по моей вине; скорейшим образом вышлю ее при первой возможности. Еще раз извиняюсь в происшедшем недоразумении.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности.
Остаюсь готовый к услугам

Борис Бугаев» (ф. 377).

наша беседа закончилась поздней ночью, остался ночевать у меня (я жил в Военной Академии на Суворовском проспекте <...>). Он вышел утром, собираясь проехать в Царское Село, — в то самое время, когда по ту сторону нашего академического плаца уже разгоралась стрельба — Волынский полк выходил из казарм. Так как Белому не удалось уехать — он вернулся и провел на моей квартире и следующую ночь, вместе с Ивановым-Разумником и еще несколькими лицами: я находился в Таврическом дворце, в штабе восстания» (ЦГАЛИ, ф. 306, оп. 1, № 118, л. 1—1 об.).

⁸³ Белый Андрей. Вячеслав Иванов. — В кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. III (кн. VIII). М., 1916, с. 114—149 (8-я книга, вопреки обозначению на титульном листе, вышла в 1918 г.). Статья об Иванове вошла также в книгу Белого «Поэзия слова» (Пб., «Эпоха», 1922).

⁸⁴ Белый Андрей. Работа и чтение [1916—1917 гг.]. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 6. В декабре 1917 г. Белый дважды читал в Москве доклад о поэзии Вячеслава Иванова — у М. О. Гершензона и у Б. П. и Н. А. Григоровых (Белый Андрей. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 96, л. 7 об.).

⁸⁵ Белый приезжал в Петроград в октябре 1917 г. (жил в Царском Селе у Иванова-Разумника). 14 октября состоялся его доклад «О ритмическом жесте» в Историко-литературном кружке им. Пушкина при Петроградском университете под руководством С. А. Венгерова; извещение о докладе было получено в Царском Селе 12 октября (ГБЛ, ф. 25, карт. 31, № 14, л. 18).

Следующее письмо было отправлено 3 января 1918 г. уже по написании статьи:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

я извиняюсь, что задерживаю статью о Вячеславе Иванове. Она — готова; но она оказалась длиннее, чем я предполагал: необыкновенно трудно ввиду сложности лирики, мировоззрения и вообще ввиду многосторонности В. И. Иванова четко и внятно охарактеризовать целое его мировоззрительных и лирических устремлений; поэтому мне необходимо, сокращая статью, слегка переделать некоторые ее части; и отдать ремингтонировать. В нынешней России послать по почте значит почти наверное — потерять; копии же у меня нет. Завтра утром еду в деревню; после 10-го января возвращаюсь в Москву и тотчас же высылаю статью; опоздал я вследствие многих причин: вследствие очень плохого здоровья (все побаливаю), вследствие почти невозможности работать в нынешней России, вследствие необходимости читать курс лекций; на подготовку к ним уходит много времени.⁸⁶ Все же: статья готова, изменения в ней — пустяжны; главным образом время займет ремингтон.

Остаюсь глубокоуважающий и готовый к услугам

Борис Бугаев» (ф. 377).

Статью Белый направил в Петроград с писателем Андреем Соболев, прося Венгерова в сопроводительном письме о перечислении гонорара. По получении ответных писем от Венгерова (в одном из них содержалось предложение вступить во Всероссийский Союз писателей)⁸⁷ Белый сообщал ему 31 января 1918 г.:

«Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич, —

Я уже писал Вам: пишу еще раз (почта так плохо работает); мне было бы очень приятно вступить в Союз Писателей, организуемый Вами; в настоящих условиях жизни есть большая потребность в организации профессиональной жизни. Гонорар (300 рублей) за статью я получил, но со мной случилось несчастье: я потерял бумажку, которую должен был вернуть с распискою. И теперь не знаю, куда мне направить расписку в получении денег. Направляю ее Вам. Поступайте с моей статьей, как сочтете нужным. О недоумениях, возникающих у Вас,

⁸⁶ В декабре 1917—феврале 1918 г. Белый читал курс лекций «Мир духа» для членов московского Антропософического общества.

⁸⁷ 10 января 1918 г. Венгерov извещал Белого: «Задумана мною попытка сделать Союз Писателей настоящим литературным центром. Посему прошу Вас вступить в число его членов и о согласии Вашем уведомить меня». Получив статью о Вяч. Иванове, Венгерov сообщил Белому в письме от 19 января о предстоящей выплате ему гонорара (большего, чем другим авторам «Русской литературы XX века») (ГБЛ, ф. 25, карт. 13, № 3).

может быть, Вы мне сообщите письменно; вряд ли скоро сумею выбраться из Москвы. Может быть, буду в Петрограде в марте.⁸⁸

Остаюсь глубоко уважающий и искренно преданный

Борис Бугаев» (ф. 377).

Переписка Белого с Венгеровым, посвященная деловым вопросам, свидетельствует в то же время о симпатии и заинтересованности, какую проявляли в своих взаимоотношениях писатель-символист и крупный историк литературы, принадлежавший к старшему поколению и в то же время внесший весомый вклад в дело истолкования литературы рубежа веков и сбора материалов для ее последующего изучения.

4

Хорошо известно, какую активную культурно-общественную деятельность развернул Андрей Белый в первые послеоктябрьские годы. Работа в московском Пролеткульте, в Театральном отделе Наркомпроса, в Отделе охраны памятников старины, многочисленные выступления на литературных собраниях и вечерах, активная лекторская, преподавательская и организационная деятельность в московском «Дворце искусств» и в петроградской Вольной философской ассоциации («Вольфиле») — таков далеко не полный перечень занятий Белого вплоть до октября 1921 г., времени его отъезда за границу. Документальные материалы, хранящиеся в Пушкинском Доме, характеризуют отдельные стороны этого периода жизни писателя.

К концу 1918 г. относится недатированное письмо Белого к Вяч. Иванову на бланке московского Пролеткульта и редакции журнала «Горн». «Дорогой Вячеслав, — писал Белый, — умоляю Тебя, прошу серьезно и убедительно: начни курс в „Пролеткульте“ в субботу. 2 раза мы назначали свидание; 2 раза тщетно ждали Тебя; между тем: уже с 1-го января начинаются курсы. <...> Ты — согласие дал; и следовательно: на Тебя рассчитывает „Пролеткульт“. В *среду в 6 часов* в помещении Литературной студии (Воздвиженка, 16) состоится собрание лекторов и старост-студийцев для распределения занятий и планов. Ждем Тебя. Будь! Право же, надо быть. Среда — последняя возможность сговориться» (ф. 607, № 247). Это деловое письмо дает почувствовать, с какой серьезностью и с каким энтузиазмом относился Белый к своей преподавательской деятельности в Пролеткульте. Работал он там с осени 1918 г., выполняя несколько заданий: «... мои функции: а) консультант по проблемам формы; б) руководитель этих проблем в семинариях литературной студии;

⁸⁸ Это намерение не было реализовано.

с) лектор: читаю курс по ритмике; d) чтение поступающих рукописей; e) прием в *Пролеткульт* и беседа с начинающими авторами». ⁸⁹ С января до мая 1919 г. он читал в Пролеткульте курс лекций «Теория художественного слова».

В архиве К. Эрберга сохранились рукописи Белого, характеризующие его работу по организации Института театральных знаний в Петрограде в первой половине 1920 г. «Принимаю участие в выработке плана „Института театральных знаний“, куда меня выбрали председателем научно-теоретической секции (институт не открылся)», — писал Белый. ⁹⁰ В июне—июле 1920 г. он участвовал в шести организационных заседаниях, посвященных разработке направлений и форм деятельности этого учреждения. ⁹¹ Белым были составлены два подробных протокола заседаний Научно-теоретического отдела Института театральных знаний, проходивших под его председательством 24 июня и 1 июля 1920 г. (ф. 474, № 459, л. 1—16). На первом из этих заседаний (присутствовали Белый, С. Г. Елисеев, М. А. Жирмунский, Р. В. Иванов-Разумник, К. Эрберг) был рассмотрен план структуры Отдела и программы его работ, представленный М. А. Жирмунским. Второе заседание (присутствовали Белый, С. Г. Елисеев, М. А. Жирмунский, Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг) было посвящено обсуждению записки Белого, в которой были намечены рабочие группы Отдела, и распределению работ между членами Отдела. «Андрей Белый, — говорилось в протоколе, — читает записку, в которой указывает на то, как перейти от плана заданий Отдела, представленного М. А. Жирмунским, к разделению на рабочие группы. Он предлагает Теоретический отдел разбить на 3 подгруппы: историко-теоретическую, практико-теоретическую и теоретическую собственно; первая выделяет из себя комиссию исторических анкет; вторая распадается на комиссии анкетную, лекционную и педагогическую; наконец, третья группа (чистых теоретиков) собирает весь материал работ Отдела и перерабатывает его с точки зрения теории; этот материал кладется в основу труда, долженствующего завершить работы Отдела <...>; намечаются следующие должности: 1) заведующий Театральной энциклопедией, 2) заведующий картотекой, 3) заведующий историко-теоретической комиссией, 4) заведующий анкетной комиссией, 5) заведующий педагогической комиссией, 6) заведующий лекционной комиссией, 7) заведующий теоретической комиссией и редакционно-издательским подотделом, 8) ученый секретарь. Что касается последнего, то решено первое время обойтись без него и поручить ведение протоколов пока председателю Отдела» (ф. 474, № 459, л. 13—13 об.).

⁸⁹ Белый Андрей. Материалы к биографии. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 98.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Белый Андрей. Себе на память, л. 13.

К протоколу заседания приложена «Докладная записка Андрея Белого», в которой подробно охарактеризован круг обязанностей заведующих рабочими группами Отдела (ф. 474, № 459, л. 17—22). Заведование комиссиями было распределено следующим образом: заведующий Театральной энциклопедией — К. А. Эрберг, заведующий картотекой — С. Г. Елисеев, заведующий историко-теоретической комиссией — М. А. Жирмунский, заведующий анкетной комиссией — Белый,⁹² заведующий педагогической комиссией — С. К. Боянус, заведующий лекционной комиссией — В. Н. Всеволодский-Гернгросс, заведующий теоретической комиссией — А. З. Штейнберг; кроме того, в ходе заседания было решено также учредить социологическую комиссию (заведующий — Иванов-Разумник).

9 июля 1920 г. Белый уехал в Москву и после этого более не участвовал в работе по организации Института театральных знаний, да и самая идея этого учреждения, чрезвычайно показательная для повышенного внимания в первые пореволюционные годы к проблемам театра и вообще массовых зрелищ, вскоре отошла на задний план. Белый, впрочем, и ранее хотел ограничить свое участие в деятельности по созданию Института. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве Эрберга письмо Белого от 18 июня 1920 г. к одному из его учредителей, театроведу Всеволоду Николаевичу Всеволодскому-Гернгроссу (1882—1962), предшествовавшее описанным заседаниям:

«Глубокоуважаемый Всеволод Николаевич, —

я чувствую большую вину, что не бываю на заседаниях „Института> театр<альных> знаний“. Но я так переутомлен, что едва стою на ногах. При всем желании работать в „Институте“, я чувствую невозможность для себя быть „заведующим теорет<ической> секции“. Что касается до „Института> Жив<ого> Слова“, то я с осени, когда надеюсь поправиться, с большой охотой буду преподавателем.⁹³ Сейчас надо поправиться, отдохнуть, а заведо-

⁹² В «Докладной записке» Белый указал, что задачи заведующего этой комиссией заключаются в руководстве разработкой ряда анкет по вопросам театра («что такое театр, какие ответы даются на этот вопрос, какими средствами он располагает (актерское искусство, внешний вид, виды и формы театра), как относится история теорий к современной идеологии театра, как возможен новый театр, что делалось для театрального воспитания и образования»). Предполагалось разделить анкетной комиссией на две группы: первая разрабатывает систему вопросов каждой анкеты и систематизирует по рубрикам анкетный материал, вторая занимается распространением анкет среди зрителей, актеров, теоретиков, критиков, режиссеров, драматургов и т. д. и следит за техникой их заполнения (ф. 474, № 459, л. 17—18).

⁹³ Институт живого слова был открыт в Петрограде в ноябре 1918 г. (ректор — В. Н. Всеволодский-Гернгросс). О своем вкладе в работу Института в первой половине 1920 г. Белый писал: «Принимаю участие в разработке плана занятий на осеннем семестре „Института живого слова“, куда я приглашен в преподаватели (участие не состоялось, за отъездом

вание „Отделом“, конечно, не позволит этого. Извиняюсь перед товарищами за то, что не оправдал их выбора; но здоровье не позволяет мне остаться в Институте театральных знаний в этой должности.

Примите уверения в совершенном почтении.

Борис Бугаев (А. Белый)» (ф. 474, № 490).

О чрезвычайной перегруженности Белого разнообразными деловыми обязательствами можно судить и по другому документу того же времени — официальной записке в издательство «Всемирная литература»: «Уведомляю „Всемирную Литературу“, что у меня нет времени редактировать Дидро. Извиняюсь, что ввел в заблуждение. Возвращаю рукопись и книгу. Примите уверение в совершенном почтении. Андрей Белый. 11 июля <19>20 года» (р. I, оп. 27, № 197).⁹⁴ Сотрудничество Белого во «Всемирной литературе», таким образом, не состоялось. Нужно отметить, что выбор для редактирования переводов из Дидро был совершенно случайным: никогда ранее, насколько известно, Белый не проявлял к его творчеству специального интереса.

Огромная занятость литературно-организационными делами, лекциями и докладами (1920 год Белый определил как «год максимального лекционного напряжения»⁹⁵) не могла не отразиться на его внутреннем состоянии: накапливались усталость, раздражение, нарастало ощущение духовной истощенности. В письме к С. М. Алянскому (вторая половина 1920 г.) Белый говорит о «максимуме» своих «„человеческих“ недомоганий»: «... развинтил свой организм: и оттого бывают минуты, как сейчас, когда без санатория (импровизированного) стоишь под знаком полной прострации».⁹⁶ Крайне тяжелые условия жизни, голод только усугубляли это состояние. Не мог Белый в полной мере реализовать и свою потребность в непосредственной творческой деятельности: мешали бесконечные дела и службы, сказывалась бытовая неустроенность. Угасал и духовный энтузиазм, свойственный ему в первые годы революции. Все эти настроения,

в Москву)» (Белый Андрей. Материалы к биографии. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 98). Сохранились присланные Белому повестки на заседания совета Института живого слова и групп соруководителей его студий (там же, № 196).

⁹⁴ «Всемирная литература» намечала к изданию художественные произведения Дидро («Племянник Рамо», «Жак-фаталист», «Монахиня», «Отец семейства»), а также его эстетические и философские сочинения (Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Пб., 1919, с. 34). Ни одно из этих изданий не было осуществлено. Белый был в Петрограде с 18 февраля до 9 июля 1920 г. (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 319).

⁹⁵ Белый Андрей. Ракурс к Дневнику. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 100; цит. по рукописи: Бугаев А. К. Н. Летопись жизни и творчества Андрея Белого. — ГПБ, ф. 60, № 107.

⁹⁶ ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, № 14.

а также беспокойство о жене, оставшейся в 1916 г. в Швейцарии, отчетливо проявились в письме Белого к Конст. Эрбергу (бывшему наряду с ним активным деятелем «Вольфилы»), отправленном из Москвы в середине декабря 1920 г.:⁹⁷

«Дорогой Константин Александрович,

спасибо Вам за хорошее письмо.⁹⁸ Я всей душой с Вами. Но — поймите меня: вся моя жизнь в Асе и в „Эпопее“. 3 года я был лишен возможности работать; теперь открылась эта возможность, и я, боясь спугнуть ее, живя под Москвой, спешу использовать время; тронуться куда-нибудь до окончания черновика 1-го тома не могу; когда кончу черновик, приеду.⁹⁹

Здесь в Москве живу почти на положении тунеядца, ибо нигде не служу, от этого плохо приходится, — но только этой ценой и могу держаться.

Моя миссия — „Эпопею“ написать: написать надо 10 томов, а как их напишешь, когда объявлено гонение на все духовное.

Кроме того: „Эпопея“ — шаг к отъезду; пока не будет написан первый том, я даже не могу думать об отъезде.

Всей душой с „Вольфилой“. По окончании „Эпопеи“ — приеду (думаю, в феврале); ранее — не сумею.

Милый, хороший Константин Александрович, не сердитесь Вы на меня: мне и так трудно и больно.

Душа тоскует по Асе. Готов хоть бежать! Глаза бы мои не глядели на то, что делается вокруг.

Всей душой с Вами. Остаюсь уважающий и любящий Вас сердечно

Борис Бугаев.

Р. С. Бакрылов¹⁰⁰ уговорил меня принять 20 тысяч за „Инсти-

⁹⁷ Другое письмо Белого к Эрбергу, от 26 апреля 1913 г., см. в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979, с. 116.

⁹⁸ Нам известно только одно письмо Эрберга к Белому — от 25 января 1918 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 23, № 18). Судя по контексту приводимого письма, Эрберг призывал Белого приехать в Петроград и возобновить работу в «Вольфиле».

⁹⁹ Ср. сходные объяснения в письме Белого к Иванову-Разумнику от 17—18 декабря 1920 г.: «...упорная, кабинетная работа привязывает меня к Москве, собственно не к Москве, а к подмосковному дому, где удобно устроился; пока не кончу черновика первого тома „Эпопеи“, мне думать печего о переезде в Петроград» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 11). В ноябре—декабре 1920 г. Белый вплотную работал над «Преступлением Николая Летаева», рассматривавшимся как «первый том серии томов „Эпопеи“» (Записки мечтателей, № 4. Пб., «Алконост», 1921, с. 23).

¹⁰⁰ Владимир Васильевич Бакрылов (1893—1922) — писатель и журналист, член партии левых социалистов-революционеров; в 1918 г. секретарь Репертуарной секции Петроградского отделения ТЮ Наркомпроса, позднее секретарь «Вольфилы».

тут¹⁰¹. Я взял, пбо думал с ним ехать. Я могу скоро вернуть — если надо вернуть, черкните или дайте телеграмму.

И еще простите, что пишу на плохой бумаге.

Всем вольфильцам сердечный привет. Аарону Захаровичу¹⁰² — особый (Р. В. Иванову пишу отдельно)» (ф. 474, № 87).

Несколько дней спустя после отправки этого письма Белый поехал в больницу, где находился до марта 1921 г.¹⁰³ В архиве Эрберга сохранилась записка Белого, посланная оттуда Иванову-Разумнику: «Дорогой Разумник Васильевич, — пишу из больницы; переезжаю в другую; еще дней 20 придется лежать в больнице. Обнимаю Вас. Думаю быть весной. Маргарита Васильевна Сабашникова переезжает в Петроград.¹⁰⁴ Надеюсь, она будет работать в „Вольфиле“; привет всем „вольфильцам“. Обнимаю Вас. Б. Бугаев» (ф. 474, № 491).

Работу в «Вольфиле» Белый возобновил по приезду в Петроград в апреле 1921 г. и фактически не прекращал ее до своего отъезда за границу в середине октября того же года. И как ни трудна была жизнь в России в первые послеоктябрьские годы, Белый в Германии вспоминал о ней, как о поре, исполнившей его «верою в человека» и «пронизавшей энтузиазмом и жизненным пафосом».¹⁰⁵

К 1920 г. относится рукописная книжка Белого «Танка» — автограф стихотворения с акварельными рисунками к тексту. Такого рода «автографические издания» были организованы при

¹⁰¹ Деньги, начисленные Белому в Институте живого слова, где он должен был преподавать с осени 1920 г.; Эрберг был одним из руководителей Института.

¹⁰² А. З. Штейнберг (1891—1975) — философ, публицист, активный участник «Вольфилы».

¹⁰³ Белый писал об этом А. А. Тургенева (Ковно, 11 ноября 1921 г.): «В декабре я упал в ванне и 10 дней таскался в Москву из-под Москвы, пока не сделалось воспаление надкостницы крестца и не обнаружилось, что я раздробил крестец; меня сволокли в больницу <...>» (Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967, с. 306).

¹⁰⁴ М. В. Сабашникова (1882—1973) — художница, поэтесса, первая жена М. А. Володина; деятельная участница Антропософического общества. О встречах Сабашниковой с Белым в годы революции см. в ее воспоминаниях: Woloschin Margarita. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. 4. Auflage. Stuttgart, 1968. S. 305—380.

¹⁰⁵ Белый Андрей. О «России» в России и о «России» в Берлине. — Беседа (Берлин), 1923, № 1, с. 220. Ко времени пребывания Белого в Берлине в 1922 г. относятся его рисунки — шаржи на знакомых литераторов: два шаржа на Брюсова, один (с надписью: «Борис Бугаев Брюсова рисовал») датирован 12 февраля 1922 г. (опубликованы: Литературная Россия, 1973, № 50, 14 декабря, с. 16), шарж на М. М. Волкова, А. С. Петровского и теософа П. Н. Батюшкова, шаржи на поэта В. В. Казина (ученик Белого по Пролеткульту), на Ремизова и на Вяч. Иванова (р. I, оп. 2, № 50). Попутно упомянем также дарительную надпись Белого поэту А. И. Тинякову на шмуцтитуле одной из своих книг, выпущенных в издательстве «Алконост»: «Дорогому Александру Ивановичу Тинякову на добрую память А. Белый. 9 октября 1921 года» (там же, № 51).

московской Книжной лавке писателей М. А. Осоргниным, который вспоминал об этом начинании: «В тяжкие 1919—1921 годы московской разрухи и голодания печатание книг было для писате-

Андрей Белый. «Танка». Рукописная книжка (лист рукописи). 1920 г.

лей почти недоступно <...> Но творческая жизнь не прекращалась, рукописи у писателей накапливались, и каждому хотелось издать если не книгу, то хоть несколько страничек <...> И вот мы надумали издавать и продавать рукописные книжки, причем каждый автор должен был сам свою книжечку написать и разукрасить <...> Сначала это издание носило характер шутки, как бы озорства, но потом оказалось, что такая книжка может под-

кармливать автора, и многие занялись этим делом серьезно. Книжек выпускали мало, но продавали их очень дорого, в расчете на

Андрей Белый. «Танка». Рукописная книжка (последний лист).
1920 г.

любителей автографов. „Издано“ было около 250 книжек (33 авторов), и все до одной были проданы».¹⁰⁶ Белым было изготов-

¹⁰⁶ Осоргин М. Рукописные книги московской лавки писателей. 1919—1921. — В кн.: Временник Общества друзей русской книги. III. Париж, 1932, с. 49—50.

лено в сентябре—октябре 1920 г. 9 таких книжек.¹⁰⁷ Имслющаяся в Пушкинском Доме «Танка» представляет собою книжечку из четырех рукописных листов; стихотворение воспроизводится дважды: сначала — полностью его рукописный текст (л. 1 об.), затем — 5 рисунков Белого (л. 2—4), каждый из которых иллюстрировал соответственно одну строку пятистрочного стихотворения:

Светлы, легки лазури:
Они — черны: без дна!..
Там — мировые бури...
Так жизни типина:
Она, как ночь, темна.¹⁰⁸

Творческие рукописи Белого этого времени представлены в Пушкинском Доме фрагментами из «Записок чудака»: 7 отрывков белого текста, зачеркнутых автором и отразившихся в окончательном тексте произведения в модифицированном виде.

5

Идея собрания своих сочинений зародилась у Андрея Белого в первой половине 1910-х годов, когда он был одним из руководителей издательства «Мусагет». В письме к Э. К. Метнеру из Берлина от 8 января (н. ст.) 1913 г.¹⁰⁹ он излагает план издания в 15 томах: т. 1—4 — четыре «симфонии», т. 5 — «Серебряный голубь», т. 6 — «Петербург», т. 7 — «Невидимый Град» (этот несуществующий замысел Белый предполагал реализовать в ближайшие два года), т. 8 — «Пепел», т. 9 — «Золото в лазури» и «Урна», т. 10 — «Путевые заметки», т. 11—12 — «Арабески», «Луг зеленый», несобранные и еще не написанные статьи, т. 13 — «Символизм» (без стиховедческих статей), т. 14 — «Ритм» (статьи по стиховедению); 15-й том в плане не был обозначен, но в том же письме Белый говорил о намерении ввести отдельным томом в собрание сочинений книгу рассказов («Куст», «Адам», «Световая сказка» и др.) и драматических фрагментов к ненаписанной мистерии «Антихрист», надеясь даже вернуться к реализации этого юношеского замысла во всей его полноте. Это — первый из фиксированных Белым планов своего собрания сочинений, еще непродуманный во внутренних пропорциях: так, например, четыре «симфонии» составили бы не четыре тома, а один, не превышающий по объему том, отведенный «Петербургу».

¹⁰⁷ Там же, с. 53—54.

¹⁰⁸ Стихотворение (написано в Дорнахе в 1916 г.) впервые опубликовано в альманахе «Весенний салон поэтов» (М., 1918, с. 59). Под заглавием «Лазури» вошло в книгу Белого «Звезда» (с. 50). Последняя строка в печатном варианте: «Она, как ночь, черна».

¹⁰⁹ ГБЛ, ф. 167, карт. 3, № 1.

Ни в «Мусагете», ни в «Сирине», в котором также обсуждалась возможность издания собрания сочинений Белого, эти проекты не привели к реальному результату. За издание взялся В. В. Пашуканис, организовавший на базе закрывшегося «Мусагета» собственное издательство,¹¹⁰ однако из печати вышло только два тома в 1917 г. (т. IV включил первые две «симфонии», т. VII — первую часть «Серебряного голубя»), затем издание прекратилось в связи с печатным кризисом 1917—1918 гг. и смертью Пашуканиса.

28 января 1920 г. Белый заключил договор на издание собрания сочинений с издательством З. И. Гржебина. Издательство, это, организованное в Петрограде в 1919 г. по инициативе М. Горького, предполагало, в целях осуществления культурной политики Советской власти, широкий выпуск художественной, научной и научно-популярной литературы. В договоре, скрепленном подписями Белого и Гржебина, значатся пункты:

«1. Гржебин приобретает от Бугаева право на издание его, Бугаева, сочинений: I) бывших уже в печати: 1) Симфонии, 2) Котик Летаев, 3) Путевые заметки, 4) Серебряный голубь, 5) Петербург, 6) Арабески, 7) Луг зеленый, 8) Символизм, 9) Рудольф Штейнер и Гете в миросозерцании современности, 10) Кризис сознания, 11) Возвращение на родину, 12) О поэтическом смысле, 13) Стихи (Золото в лазури. Пепел. Урна. Рыцарь и Королевна. Звезда. Христос Воскресе), 14) Рассказы, 15) Статьи и II) не бывших еще в печати: Эпопея (3 тома) — всего около трехсот двадцати печатных листов¹¹¹ <...>

4. Время выпуска сочинений Бугаева в свет, внешняя сторона издания и цена за экземпляр книги определяются Гржебиным <...>

5. Гржебин имеет право издавать сочинения Бугаева как отдельными книгами, так и в виде Собрания сочинений Бугаева, причем план издания Собрания сочинений устанавливается по соглашению с Бугаевым.

¹¹⁰ План этого собрания сочинений см.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 576.

¹¹¹ План собрания сочинений, представленный Гржебину, см.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 576. В соответствии с этим планом Белый передал в издательство тома I—VII, XIII—XVII, XIX (ИРЛИ, р. I, оп. 2, № 448). Остальные тома, предполагавшиеся к изданию: т. VIII — «Путевые заметки»; т. IX — «Котик Летаев», «Возвращение на родину» («Записки чудака»); т. X—XII — «Эпопея»; т. XVIII — «О поэтическом смысле»; т. XX — Статьи по истории культуры. Характеризуя в развернутом плане собрание сочинений (1920) несданные тома, Белый писал в частности: «Том восемнадцатый: „О поэтическом смысле“. (Книга лежит в рукописи в книгоиздательстве «Полярная Звезда» у А. М. Эфроса: ее можно печатать с июля 1923 года)»; «Том двадцатый: „Антропософия как путь самопознания“ (этот том будет написан в ближайших годах)» (ЦГАЛИ. ф. 53, оп. 1. № 103, л. 7, 8); последний замысел Белый осуществил в исследовании «История становления самосознающей души»

6. В течение срока действия настоящего договора Бугаев отказывается от права издавать свои сочинения в каком бы то ни было виде, а также не имеет права издавать Полное собрание своих сочинений.

Примечание: До 1-го июля 1923 года Бугаеву предоставляется право издать сочинения: 1. Серебряный голубь, 2. Петербург и 3. Путевые заметки — через Книгоиздательство писателей в Москве, 4. О поэтическом смысле — через издательство „Полярная звезда“, в количестве не более десяти тысяч экземпляров каждое из перечисленных сочинений.

7. За приобретаемое право издания вышеперечисленных сочинений Бугаева Гржебин уплачивает Бугаеву шестьдесят процентов (60%) чистой прибыли, полученной от издания этих сочинений <...> (р. I, оп. 2, № 448).

Кроме этих условий, было оговорено также, что Гржебин выплачивает Белому ежемесячную денежную сумму при обязательстве последнего представить рукопись «Эпопеи» к 1 февраля 1921 г.

Договор, таким образом, практически предусматривал монополию Гржебина на книги Белого, издававшиеся ранее или подготавливаемые к изданию, и полную свободу издателя в установлении сроков выпуска книг при соблюдении условия о регулярной выплате Белому стабильной денежной суммы. Подписывая такой договор, Белый, конечно, надеялся на то, что за этим последует и регулярный выход в свет его сочинений. Однако, связав Белого договором, Гржебин ничего не предпринял для печатания его произведений, что было вызвано отчасти отсутствием бумаги.¹¹²

Получив разрешение на выезд за границу в сентябре 1921 г., Белый решил прежде всего уладить свои издательские дела. 6 октября 1921 г., находясь в Петрограде, он направил Гржебину письмо, в котором, напомнив обстоятельства заключения договора и его важнейшие пункты, заявлял: «В течение 20 месяцев со времени подписания договора Вы не напечатали ни одной строки моей, заплатив мне всего 200 000 рублей. Между тем мне со всех сторон предлагали печатать мои книги, платя мне по 500 000 рублей за художественную прозу (полистно). Сколько же миллионов Вы лишили меня? Весь этот год я вынужден был служить и зарабатывать средства к существованию себе и престарелой матери, отклоняясь от литературного труда. Между тем: я чувствую просто общественную свою миссию в том, чтобы писать „Эпопею“ (серию романов). Где Вы были, когда я бился об лед, стараясь совместить литературную деятельность со служ-

¹¹² См.: Хлебников Л. М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина». — Литературное наследство, т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971, с. 682, 695 и др.

бой? Я чувствовал Ваше присутствие лишь в том, что должен был отклонять ряд выручавших меня предложений, как связанный с договором.

Договор ужасен по существу. Но почему же я на него пошел? Да потому, что в этом закабалении всего себя и всего своего будущего, как писателя и человека, Вы выдвинули для меня „чечевичную похлебку“, пользуясь полной моей деловой беспомощностью: зная, что мне надо до зарезу ехать к жене за границу, что я хлопочу о выезде, что средств на жизнь за границей у меня нет, Вы предложили мне уплачивать в течение 3-х лет по 1000 франков (в счет гонорара), дабы дать мне возможность писать „Эпопею“ (многотомный мой роман). Попадаясь получить тогда же разрешение на отъезд и чувствуя себя в ближайшем будущем обеспеченным за границей (в настоящее же время на 1000 франков в месяц, по наведенным справкам, нельзя прожить с женой), я, вынужденный необходимостью, припертый к стене, решил пойти на *ужасные для меня условия договора* <...> А когда в Петрограде был написан чистовик договора, то субсидирование тысячью франками в месяц понималось Вами с оговоркою: Вы согласились выплачивать мне по 1000 франков *по представлении* рукописи 1-го тома „Эпопеи“. Между тем: именно свою „Эпопею“ я и должен был писать, чувствуя себя обеспеченным.

То есть: *чечевичная похлебка* (выплата по 1000 франков) превратилась в фикцию.

В настоящее время меня обеспечивают: я год могу существовать в Берлине беспечно, работая над трудом всей своей жизни; разрешение на выезд я получил. Остается одно: порвать с Вами, ибо с Вашим договором вместо работы за границей (смысла моей поездки) я должен опять-таки там зарабатывать себе и жене на пропитание. Вы до сих пор не напечатали ни одной строчки. Вы не помогли мне ничем (двести тысяч аванса есть нуль). Неужели же мне, писателю с именем и будущим, положить перо и отказаться от литературы — только потому, что издатель „Гржебин“ заключил с ним драконов договор.

Я предлагаю Вам немедленно вступить в переговоры с моими доверителями Р. В. Ивановым и А. М. Шах-Назаровым о *немедленном* расторжении договора, ибо вопрос о расторжении его есть вопрос о возможности мне существовать и в России, и за границей. В случае Вашего отказа расторгнуть договор я подаю на Вас в Народный суд. Все соответствующие меры мною уже приняты» (р. I, оп. 2, № 444). Белый требовал также возвращения переданных Гржебину книг и рукописей и обещал вернуть полученный аванс.

В тот же день Белый отправил письмо юристу А. М. Шах-Назарову (р. I, оп. 2, № 446), в котором просил его составить доверенность на ведение дела на свое имя и на имя Иванова-Разумника; такая доверенность нужна была на тот случай, если

конфликт с Гржебиным не будет улажен до отъезда Белого за границу. Перед отъездом из Петрограда в Москву, откуда он собирался через несколько дней отправиться в Германию, Белый вновь писал Шах-Назарову (12 октября 1921 г.):¹¹³

«Глубокоуважаемый Александр Михайлович,

Простите, что пишу перед отъездом без конверта.

Горячее спасибо Вам за ласковое внимание, очень выручающее меня: болезнь и хлопоты не позволили лично мне Вас еще поблагодарить.

Прошу Вас очень, помогите мне ликвидировать этот грабительский договор; без этой ликвидации моя мать попадает в критическое положение; и я — тоже (и здесь, и за границей). Если бы Юридический отдел отказался утвердить Вас и Р. В. Иванова поверенными, то я просил бы Юридический отдел в случае отказа Гржебина или доверенными его расторгнуть контракт возбудить дело против Гржебина, как пользующегося критическим положением литераторов. Я готов на все, лишь бы договор был расторгнут. Можете это частное мое письмо показывать, кому сочтете нужным. Прошу Вас об одном: выручите меня, освободите меня от „гржебинской“ паутины.

Сердечное, горячее спасибо за Ваше хорошее сердце.

Остаюсь искренне благодарный и уважающий Вас

Борис Бугаев (Андрей Белый)» (р. I, оп. 2, № 446).

Из-за отсутствия Гржебина в Петрограде конфликт с собранием сочинений Белого рассмотрел его заместитель по редакционной части и заведующий редакцией А. П. Пинкевич.¹¹⁴ 18 октября 1921 г. Пинкевич, с одной стороны, и Иванов-Разумник и Шах-Назаров, с другой, расторгли договор «по обоюдному согласению сторон» и «без всяких последствий для обеих сторон» (р. I, оп. 2, № 448). После истории с Гржебиным новых возможностей издать собрание своих произведений Белому не представлялось, хотя он не оставлял этой мысли и в более поздние годы, составляя планы многотомных изданий и систематизируя свои сочинения.¹¹⁵ Разрыв с Гржебиным, однако, оказался для Белого временным: в 1923 г. в издательстве З. И. Гржебина,

¹¹³ В тот же день Белый написал пзвещение своим доверенным Р. В. Иванову и А. М. Шах-Назарову о том, что он оставил бумагу Кларе Гитмановне Иструм и Марии Гитмановне Белицкой на право издания своих сочинений (р. I, оп. 2, № 445; М. Г. Беллицкая — жена сотрудника Петросовета и издательского работника Е. Я. Беллицкого, К. Г. Иструм — ее сестра).

¹¹⁴ См. его письмо к Белому от 10 октября 1921 г. (ИРЛИ, р. I, оп. 2, № 447). Альберт Петрович Пинкевич (1883—1939) — профессор, доктор педагогических наук, издательский работник. См. о нем: Архив А. М. Горького, т. X. М. Горький и советская печать, кн. 2. М., 1965, с. 245.

¹¹⁵ См.: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого, с. 577—578, 596—598.

перенесенном в Берлин, вышел большой том «Стихотворений» Белого — единственный прижизненный свод его стихотворных произведений с 1899 по 1922 г., расположенных в иной композиционной последовательности и напечатанных в ряде случаев в иных редакциях, чем в издававшихся ранее сборниках.

6

Часть материалов Андрея Белого, сосредоточенных в Пушкинском Доме, относится к последним годам жизни писателя. В архиве «Нового мира» хранятся наборные беловые машинописные тексты напечатанных в журнале статей Белого «Поэма о хлопке» (о поэме Г. А. Санникова «В гостях у египтян»),¹¹⁶ «Культура краеведческого очерка» (доклад на собрании краеведов при Оргкомитете Союза советских писателей)¹¹⁷ и «Энергия» (об одноименном романе Ф. В. Гладкова),¹¹⁸ а также гранки «Культуры краеведческого очерка» и «Энергии» (последние имеют обильную авторскую правку, учтенную в печатном тексте статьи, и автографическую подпись Белого с датой 8 мая 1933 г.) (ф. 209, № 443).

Одно письмо Белого имеется в архиве А. С. Новикова-Прибоа:

«Глубокоуважаемый Алексей Силович,

позвольте Вас поблагодарить за книгу, которую Вы прислали мне. Но еще более позвольте Вас поблагодарить за то, что написали такие сильные, яркие, глубоко интересные книги, как „Ухабы“, „Море зовет“ и „Морские рассказы“. Все три книги читал с неотрывающимся интересом; давно не испытывал такого чисто непосредственного захвата, как во время чтения Ваших таких правдивых и сильно написанных книг. Еще раз сердечное спасибо.

Остаюсь глубокоуважающий Вас Ваш читатель

Андрей Белый (Борис Бугаев).

Кучино. 20 сентября 1927 года» (ф. 500, оп. 2, № 34).

«Официальная» подпись Белого и автохарактеристика «Ваш читатель» говорят о том, что личное знакомство едва ли предшествовало этому письму; скорее всего Новикову-Прибоа сообщили, что Белый высоко оценил его сочинения, и он послал ему одно

¹¹⁶ Новый мир, 1932, № 11, с. 229—248.

¹¹⁷ Там же, 1933, № 3, с. 257—273. Машинописный текст статьи завершался резюмирующими двенадцатью тезисами Белого (ф. 209, № 443, л. 80), опущенными при публикации. Судя по помете на машинописи (л. 41), эту статью предполагалось первоначально поместить в 1-м номере «Нового мира» за 1933 г.

¹¹⁸ Новый мир, 1933, № 4, с. 273—291.

из своих последних изданий. Трудно установить, какую именно книгу Новиков-Прибой подарил Белому: в 1926—1927 гг. в Харькове было выпущено его собрание сочинений в 5 томах; кроме того, в 1927 г. было начато печатанием (вышли тома 2—5) пятитомное собрание сочинений писателя в издательстве «Земля и

Вячеслав Иванов. Шарж Андрея Белого. 1922 г.

фабрика»; в 1920-е годы в большом количестве выходили издания отдельных произведений Новикова-Прибоя. Отметим, что в поле зрения Белого оказались не только такие книги Новикова-Прибоя, как «Морские рассказы» (1917) и повесть «Море зовет» (1919), уже имевшие прочную репутацию и выдержавшие несколько изданий, но и недавно напечатанная (в январском номере «Нового мира» за 1927 г.) повесть «Ухабы». В дальнейшем Белый встречался с Новиковым-Прибоем; об этом можно судить по его письму к Иванову-Разумнику от 26 января 1928 г., в котором, говоря о кооперативном издательстве «Никитинские суб-

ботники», Белый, между прочим, замечает: «... а к Вам в издательстве — сочувственное отношение; даже: один из влиятельнейших членов кооператива, Алексей Силыч Новиков-Прибой (кстати — милейший и честнейший), считает себя Вашим выучеником, ибо на Ваших книгах *уму-разуму* учился (он — бывший матрос, подводник)».¹¹⁹

К 1930 г. относятся два письма Белого к М. А. Волошину, предшествовавшие их последней встрече в Коктебеле (ф. 562, оп. 3, № 248).¹²⁰ 14 июня этого года Белый с К. Н. Бугаевой приехал в Судак (Крым), откуда писал Волошину 25 июня:

«Дорогой Макс,

сердечное спасибо за открытки и за добрый зов в Коктебель; извиняюсь, что только теперь отвечаю из Судака; у меня была бешеная работа (срочная): заканчивал 2 том „Москвы“,¹²¹ работал по 12 часов, тут же — простуды, суеты, приезд Р. В. Иванова в Кучино;¹²² не мог, как следует, отблагодарить. Пишу эти несколько строк — вот по какому поводу. Мы живем недалеко от Тебя: в Судаке; этим летом у меня опять-таки срочная работа „Зифу“ (заказанный том, 2-й, воспоминаний: первый том «На рубеже»; второй — «Начало века»)¹²³ Когда работаю, то живу отшельником-анахоретом. Поэтому мы с К. Н.¹²⁴ не воспользовались Твоим добрым приглашением в Коктебель, который так нам говорит. У Тебя народ; а я на народе умею лишь балагурить, а когда работаю, то избегаю людей; да и: после 8-месячной упорной работы мне отдых — молчанье у моря, что Судак дает: мы здесь прекрасно устроились: уединенно, отдельно, с аллежкой

¹¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 19.

¹²⁰ В архиве Волошина сохранилась также недатированная записка Белого к нему начала 1910-х годов. Об истории их взаимоотношений см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. 1) Неизданный очерк Андрея Белого о Максимилване Волошине. — Звезда, 1977, № 5, с. 191—193; 2) Максимилиан Волошин и Андрей Белый. — *Studia slavica* (Budapest), 1978, vol. XXIV, fasc. 3—4, p. 391—400.

¹²¹ Роман «Маски», первоначально называвшийся «Маски Москвы».

¹²² В Кучино под Москвой Белый жил постоянно во второй половине 1920-х годов. 22 июня 1930 г. он писал Иванову-Разумнику из Судака: «... мне очень огорчительно, что Вы приехали к нам так ненадолго; и так неудачно: в холод, в мою болезнь и в дпн, когда я, хоть тресни, а должен был окончить „Москву“, которую и кончил 1-го июня, в день Вашего отъезда из Кучина» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 21).

¹²³ Мемуары Белого «На рубеже двух столетий» вышли в издательстве «Земля и фабрика» в 1930 г. Во второй половине 1930 г. Белый приступил к кардинальной переработке первых частей «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века» (1923; из нее напечатаны лишь отдельные главы) в новую книгу того же названия. «Начало века» вышло в свет в ГИХЛе в конце 1933 г.

¹²⁴ Клавдия Николаевна Бугаева (в первом браке Васильева, 1886—1970) — вторая жена Белого

кипарисов к морю прямо со ступенек террасы под Генуэзским замком.¹²⁵

Сильно хотим увидеть Тебя. И собираемся приехать к Тебе: Тебя повидать; и заранее просьба у Тебя и у Марии Степановны:¹²⁶ разрешить нам у Тебя переночевать, ибо в обыденку не совершить этого путешествия.

Зная наплыв к Тебе людей и слишком хорошо понимая, что когда нет помещения, а люди едут с ночевкой, то такие гости хуже „татар“, которые вовсе не худы (и мне очень нравятся).

Может быть, Ты напишешь два слова: когда удобнее, чтобы мы приехали: в июле или в августе; и — можно ли у Тебя переночевать?

Очень хотелось бы повидаться: ведь прошло 6 лет со времени последней нашей встречи, верней, жизни вместе в Коктебеле.¹²⁷

Надеюсь, — до скорого свидания. Передай от меня и Клавдии Николаевны привет и уважение Марии Степановне. К. Н. Тебе кланяется.

Остаюсь искренне преданный и любящий

Борис Бугаев.

Р. С. Наш адрес: Крым. Судак. Берег моря. Дача Е. Э. Эггерт (дом № 8). Б. Н. Бугаеву».

Волошин ответил 3 июля настойчивым зовом в Коктебель: «Чем раньше ты соберешься, тем лучше. Место для ночлега всегда будет: мой кабинет в мастерской. Но чем ближе к августу, тем больше народу и усталости, мне бы хотелось с тобой поговорить не будучи утомленным людьми до полусмерти <...> Желаю тебе тишины и плодотворной работы. Чем надольше приедешь, тем будет радостнее».¹²⁸ Белый, однако, осуществить свои планы так, как первоначально надеялся, не сумел, о чем сообщал Волошину в следующем письме из Судака, от 4 сентября 1930 г.:

«Дорогой Макс,

уже целый месяц мечтаем попасть в Коктебель; одна незадача за другой: К. Н. себя нехорошо чувствовала; потом: в Судаке стояли такие жары, что ходили как угорелые, все выжидая дней посвежее, наконец собрались 25-го августа; и в этот же день — парадокс судьбы — я схватил грипп, который едва ликвидировал в неделю; а в июне не удалось приехать: я слишком влез в работу, стараясь использовать лето, чтобы к сроку приготовить том

¹²⁵ В Судаке сохранились остатки воздвигнутой на приморской скале Генуэзской крепости с консульским замком и другими сооружениями (XIV—XV вв.).

¹²⁶ М. С. Волошина (урожд. Заболоцкая, 1887—1976) — жена Волошина с 1922 г.

¹²⁷ Белый провел в Коктебеле в доме Волошина лето 1924 г.

¹²⁸ ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 166.

„Начало века“, продолжение „На рубеже“; я тем более озабочен скорей кончить, что эта работа — кусок хлеба, ибо 2-й том „Москвы“, который отнял здоровье и 9 месяцев воловьей работы, найден цензурным, но слишком „утонченным“ для того, чтобы мочь появиться в печати. Так пропала работа 9-ти месяцев, а я остался в очень неопределенном материальном положении.¹²⁹

Все вместе — работа, наши нездоровья, жары отсрочивали столь нам улыбающуюся поездку и желание с Тобой повидаться; теперь, если опять не случится какой-нибудь каверзы судьбы, наметили вторник 9 сентября (кажется) для поездки, если будут места в автомобиле; во всяком случае 9-го, 10-го, 11-го будем стараться быть у Тебя.

Так обо многом хочется говорить!

К. Н. шлет сердечный привет Тебе и Марии Степановне; от меня Марии Степановне привет и уважение.

Остаюсь искренне преданный и любящий

Борис Бугаев».

На этот раз Белому удалось исполнить свое намерение: он гостил у Волошина 9—11 сентября. Это была последняя встреча писателей. Очевидцем их общения оказался Вс. А. Рождественский, писавший Е. Я. Архипову 17 сентября 1930 г.: «Здесь несколько дней гостил Андрей Белый, поразивший меня огненной молодостью своего духа, необычайной внешней оживленностью, парадоксальностью суждений и голубым пламенем совершенно юношеских, немного раскосых поставленных глаз. Рассказывая о своем пребывании на Кавказе, спорил с Максимилианом» Александровичем» о своей книге „Ритм как диалектика“, делился отрывками воспоминаний <...>. Давно уж, со времен Блока, не встречал я человека с такой яркой, взвешенной костром, душой».¹³⁰

Вновь Белый с женой попали в Коктебель через год после смерти Волошина: летом 1933 г. они прожили там с 19 мая по

¹²⁹ Рукопись «Масок» была сдана Белым перед отъездом в Судак в издательство «Федерация». Заключение о «необыкновенной сложности и утонченности» романа были сделаны редакционным советом этого издательства (см. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 25 августа 1930 г.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 21). По возвращении в Москву Белый в ноябре 1930 г. переработал весь текст «Масок» (см.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 609). Книга была сдана в набор в ГИХЛе 5 мая 1931 г., вышла в свет в начале 1933 г. О печатании «Масок» см. письма Белого к А. М. Миссарян (публикация Н. Терян): Русская литература, 1973, № 1, с. 155—158.

¹³⁰ ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 74. Еще более подробно Рождественский делился своими впечатлениями от общения с Белым в письме к Д. С. Усову, относящемся к тем же дням (семейный архив Вс. А. Рождественского). Ср.: Рождественский Вс. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М., 1974, с. 387—388.

29 июля.¹³¹ Белый встречался со вдовой Волошина, познакомился с архивом умершего поэта. В середине июля он заболел и последние две недели пребывания в Коктебеле провел в так называемой «музыкальной комнате» волошинского дома. Этим летом им был написан мемуарный очерк «Дом-музей М. А. Волошина»; его рукописная редакция, сохранившаяся в архиве Волошина, существенно отличается в своей вводной части от окончательного текста, опубликованного по рукописи из архива Белого.¹³² Она представляет собой ранее записанную версию воспоминаний (датируется 27 июня 1933 г.; окончательный вариант — 12—14 июля 1933 г.). Приводим эту часть статьи по автографу Белого (ф. 562, оп. 4, № 125):

«Посетивши дом, где много лет жил, трудился, мыслил, творил М. А. Волошин, я был переполнен яркими и сквозь грусть радостными впечатлениями: грусть — оттого, что ушла полная значения жизнь очень крупного человека; но след этой жизни светит во всех мелочах созданного им быта. И оттого — радость.

Не дом, а — музей.

Есть в обычных музеях что-то противопоставленное живой жизни; жизнь в музеях разложена; предметы сгруппированы в них по отдельным признакам (музей живописи, книжный, этнографический, литературный, музей быта). Музей имени М. А. Волошина есть как бы слепок с жизни одного человека; книги, живопись, коллекция окаменелостей, камушки, принадлежности быта носят печать неповторимой личности.

Не музей, а — дыхание жизни; между тем: эта жизнь впервые открывает Коктебель, творчески преобразованный. Покойный поэт увидел как бы идею этого уголка Крыма, верней, тему Коктебеля; и отразил ее в вариациях: многообразием творческих достижений, где поэзия, живопись, думы писем, настоянные на воздухе Коктебеля, в сочетании с краеведческими и природоведческими интересами дают многочастное целое, приподымая завесу над древнею Киммерией, над отложением Греции в ней.

„Поэзия есть зрелая природа“, — сказал Вольфганг Гете; она — культура природы, выявление в последней нового качества; в природе качество это дано как зародыш, еще не рожденный в образе сознания. В поэзии М. А. Волошина, в его изумительной кисти, становящейся наукою видеть Коктебель, во всем быте жизни, начиная с очерка дома, творчески выношенного в годах, в расположении веранд, лестниц, в башне, в единственной по оригинальности его мастерской, в простой, но изысканно прекрасной обстановке, в градации портретов и картин, писанных поэтом, в коллекции камушков Коктебеля, в коллекции ока-

¹³¹ Белый Андрей. Передвижения. [Хронологическая канва с 1921 по 1933 г.]. — ГБЛ, ф. 25.

¹³² См.: Белый Андрей. Дом-музей М. А. Волошина. — Звезда, 1977, № 5, с. 188—190.

менелостей, в коллекции коряг, в своеобразии подбора книг, — отражена жизнь Волошина в его центральной оси, которая есть творческая дума о Коктебеле, воплощенная воистину в новый быт жизни.

Природа Коктебеля, проведенная сквозь жизнь поэта, здесь явлена нам как культура, подтверждающая лозунг Гете: „Поэзия есть зрелая природа“. Волошин — поэт, художник, нашедший стиль своей жизни в выявлении плеска моря, цветистых камушков, легких очерков коктебельских гор и краеведчески осознавший себя, — мне стоит в воспоминании и как мудрец; и могила его, взлетевшая над окрестностями Коктебеля, есть символ себя расширяющей и в космосе себя преображающей личности.

Есть невыразимо прекрасные ракушки, возведенные Геккелем в ранг перлов искусства. Линии орнамента их суть отложные живших в них организмов; бессмертием их и является ракушка. Дом Волошина мне стоит как одна из ракушек, возведенных гениальным биологом в перлы искусства; неповторимо в нем сочетание обычно не сочетаемых элементов; хороша в нем библиотека, прекрасны ландшафты Волошина, ценны здесь хранимые следы его мысли, ценны воспоминания о беседах и приемах ряда выдающихся личностей, здесь живших: художников, писателей, поэтов, ученых (здесь С. В. Лебедев¹³³ вынашивал свой искусственный каучук, здесь писали художницы Остроумова,¹³⁴ Сабашникова; я здесь вынашивал идею своей неоконченной тетралогии «Москва»,¹³⁵ и т. д.).

Но как бы ни интересны были отдельные черты культурной жизни, возглавляемые М. А. Волошиным, — его жизнь не в своеобразии его поэзии, живописи, публицистики, а в том, что поэзия, живопись, книжная мудрость и краеведческие устремления были окрашены новым качеством творчества самой живой жизни, воплощенной в неповторимый быт. Библиотека не вывозима из стен этого дома, увешанного этимп, а не иными картинами, в этих, а не иных стенах, из которых выходишь на эти, а не иные веранды; все от стен до стихов и до дум, вырастающих из стихов, — принадлежность этого дома; все вместе — та ракушка, которую воспел Геккель; выломать из нее ту или иную линию — значит: небрежной пятой раздавить ракушку.

¹³³ Сергей Васильевич Лебедев (1874—1934) — химик, академик, муж художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой.

¹³⁴ Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871—1955), живя в Коктебеле летом 1924 г., написала портрет Андрея Белого.

¹³⁵ 15 июня 1924 г. Белый писал из Коктебеля Д. К. Богомилскому (сотруднику издательства «Круг», с которым была заключена предварительная договоренность о представлении романа «Москва»): «Вот уже 2 недели, как я в Коктебеле; здесь — изумительно; и жизнь течет нормально <...> Эти две недели дал себе полный отдых; и теперь приступаю к роману» (ЦГАЛИ, ф. 1607, оп. 1, № 9). Первая глава романа «Москва» была закончена Белым 10 сентября 1924 г.; из Коктебеля он уехал 12 сентября.

Дом Волошина — целое единственной жизни, гипсовый слепок с неповторимого ликка, вечная память о нем».

Последующий текст, записанный под диктовку К. Н. Бугаевой, почти не отличается от опубликованного полного варианта очерка.

Во время работы в Коктебеле над очерком о Волошине Белый виделся с писателем и сотрудником «Издательства писателей в Ленинграде» Г. Э. Сорокиным.¹³⁶ До коктебельской встречи Белый был заочно знаком с ним в связи с передачей в это издательство рукописи исследования «Мастерство Гоголя», завершено в апреле 1932 г. Договор на «Мастерство Гоголя» был заключен у Белого с Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ), но там находились в процессе печатания уже две его книги — «Маски» и «Начало века», и он решил передать третью книгу в Ленинград. Однако планы ГИХЛа изменились, о чем Белый писал Сорокину 22 июня 1932 г.:

«Глубокоуважаемый Григорий Иммануилович,

„ГИХЛ“ дал мне в мае право отдать рукопись мою „Мастерство Гоголя“ в „Книгоиздательство Писателей“ в Ленинграде“ с оговоркой, что до заключения контракта с Вашим Издательством „ГИХЛ“ сохраняет право на эту рукопись за ним. После отправки этой рукописи Вашему издательству я никаких уведомлений о принятии издательством рукописи не получал, кроме сведений, что Алянский взял рукопись. Теперь „ГИХЛ“, с которым заключен контракт, берется печатать эту рукопись теперь. И потому прошу отослать мне имеющийся у Вас ремингтон книги „Мастерство Гоголя“, так как „ГИХЛ“ отменяет свое решение мне отдавать эту рукопись и имеет на это право.

Во всяком случае не предпринимайте ничего с присланной рукописью.

Жду немедленного возвращения мне рукописи ценной посылкой; тотчас по получении посылаю Вам сумму стоимости посылки. Примите уверения в совершенном уважении.

Борис Бугаев (А. Белый)» (ф. 519, № 54).

«Мастерство Гоголя» вышло в свет в ГИХЛе уже после смерти Белого, весной 1934 г. Однако этим эпизодом отношения его с «Издательством писателей в Ленинграде» не ограничивались. Еще в 1931 г. Белый подписал договор на роман «Германия», который обязался представить не позднее 1 сентября 1932 г.¹³⁷ Из-за перегруженности работой над воспоминаниями

¹³⁶ Подробнее о нем см. с. 199—227 настоящего издания.

¹³⁷ См.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Неосуществленный замысел Андрея Белого. («План романа „Германия“»). — Русская литература. 1974, № 1, с. 197—200.

и «Мастерством Гоголя» выполнить условие этого договора Белый не смог. Предлагая взамен для печатания «Мастерство Гоголя», он пытался этим отчасти исправить положение. 30 мая 1932 г. Белый писал о «Мастерстве Гоголя» С. М. Алянскому (своему старому знакомому, в прошлом — владельцу издательства «Алконост»), служившему тогда в «Издательстве писателей в Ленинграде»: «... мне хотелось бы рекомпенсировать этой книгой тот факт, что мне придется просить значительной отсрочки для романа „Германия“: „Гоголь“ и несветимая <sic> суета, от которой ранее июля не освобожусь, не дадут возможности сесть за роман».¹³⁸ Но «Мастерство Гоголя» возвратилось в ГИХЛ, а приняться за работу над романом «Германия» Белый так и не сумел, в чем он признавался Алянскому в письме из Лебедяни от 15 сентября 1932 г.: «С прискорбием и не без стыда уведомляю Вас, что я в первый раз в жизни не по своей воле оказываюсь неисправным во взятом мной литературном обязательстве, — и тем более, что это неисполнение обязательства падает на „Издательство писателей в Ленинграде“, выручившее меня в трудную минуту авансом (1000 р.) за предложенный роман „Германия“, который меня очень волновал, но до которого не позволили мне дотянуться жизненные трудности. До мая я писал книгу „Мастерство Гоголя“: с мая до августа ряд хлопот, неприятностей и просто невозможные квартирные условия (отсутствие жилплощади и т. д.) <...> так ухлопали здоровье, что я вынужден был дать себе отдых (для поправленья здоровья); и надолго выбит из возможности работать над худ<ожественной> прозой, столь трудно дающейся мне».¹³⁹

В том же 1932 г. Алянский поступил на работу в издательство «Молодая гвардия»,¹⁴⁰ и его обязанности заведующего «Издательством писателей в Ленинграде» перешли к Г. Э. Сорокину. Белый связался с новым заведующим через своего близкого знакомого, поэта и прозаика С. Д. Спасского, бывшего в дружеских отношениях с Сорокиным. «Я передал Сорокину содержание Вашего письма, — сообщал Спасский Белому 5 октября 1932 г. — Издательство согласно на Ваши сроки и будет ждать роман, никак Вас не торопя. Договор, конечно, потом надо будет переписать в связи с новыми ставками».¹⁴¹ В Коктебеле Белый обсуждал с Сорокиным перспективы работы над романом, о чем можно судить по его письму, отправленному из Москвы 11 августа 1933 г.:¹⁴²

¹³⁸ ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, № 14.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ См.: Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 67.

¹⁴¹ ГПБ, ф. 60, № 67.

¹⁴² Написано рукой К. Н. Бугаевой; подпись — автограф. Письмо было послано в Коктебель, откуда переадресовано Сорокину по адресу «Издательства писателей в Ленинграде» (пл. Островского, 4). Получено 21 августа 1933 г.

«Многоуважаемый товарищ Сорокин!

Пересылаю Вам копию с полученного мною извещения секретаря „Издательства писателей в Ленинграде“, З. Никитиной:¹⁴³ „... позволяем себе напомнить Вам, что срок сдачи Вами рукописи «Гермапия» по договору от 14 X 31 г. за № 342/35 уже истек 1 IX 1932 г. Просим нас уведомить в течение 5 дней об окончательном сроке сдачи Вами Издательству указанной рукописи. Ответственный секретарь издательства З. Никитина“. После нашего разговора в Коктебеле 27 VII считаю это извещение недоразумением и жду Вашего разъяснения. Простите, что беспокою Вас, но, ввиду запрещения врача, я не мог бы приступить теперь к написанию романа. Еще раз сожалею, что болезнь помешала мне ближе познакомиться и побеседовать с Вами. Передайте Нине Николаевне¹⁴⁴ сердечный привет от меня и от жены.

Готовый к услугам

Борис Бугаев (А. Белый)» (ф. 519, № 54).

Когда Белый писал это письмо, он продолжал находиться во власти болезни, начавшейся в Коктебеле. Тем не менее он откликнулся на ответное письмо Сорокина, разъяснявшее случившееся недоразумение. 10 сентября 1933 г. он сообщал из Москвы:

«Многоуважаемый Григорий Эммануилович!

Простите, что отвечаю на Ваше любезное письмо с таким запозданием.¹⁴⁵ Дело в том, что мой коктебельский напёк отдал меня в руки московских докторов, промучивших меня несколько недель строжайшим режимом и всякими исследованиями. Пришлось и лежать в постели, и прибегать к пивкам, и т. д.

Спасибо за разъяснение. Очень жду Вас в Москве, где имею многое сообщить Вам о планах с романом.

Шлю это письмо в письме к С. Д. Спасскому, ибо не знаю Вашего адреса и не уверен в адресе издательства (мне сообщили, что оно адрес меняет).

Сердечный привет от нас с К. Н. Нине Николаевне и просьба нас посетить, если она будет с Вами в Москве.

Примите уверения в совершенном уважении

Борис Бугаев» (ф. 519, № 54).

¹⁴³ О З. Никитиной см. с. 217 настоящего издания. Текст официального письма Никитиной сохранился в архиве Белого (ГПБ, ф. 60, № 60).

¹⁴⁴ Н. Н. Сорокина — жена Г. Э. Сорокина.

¹⁴⁵ Запоздание объяснялось тем, что Белый забыл имя и отчество Сорокина и запрашивал его у С. Д. Спасского, который ответил 8 сентября 1933 г. (ГПБ, ф. 60, № 67).

Планам Белого, касавшимся романа «Германия», не суждено было осуществиться,¹⁴⁶ да и самое письмо к Сорокину от 10 сентября 1933 г. принадлежит к числу последних рукописей, вышедших из-под его пера. В результате все прогрессирующей болезни четыре месяца спустя, 8 января 1934 г., Андрей Белый скончался от артериосклероза.

¹⁴⁶ В письме от 22 ноября 1933 г. С. Д. Спасский предложил Белому представить в «Издательство писателей в Ленинграде» взамен романа очередной том воспоминаний: «*Это не значит*, что Издательство обеспокоено выданным Вам авансом <...> Просто правление заинтересовано в том, чтоб привлечь Вас к издательству ближе, и хочет получить Вашу рукопись для издания» (ГПБ, ф. 60, № 67). В ответ Белый согласился выслать рукопись воспоминаний «Омут» (первая часть задуманного третьего тома воспоминаний «Между двух революций»); под заглавием «Между двух революций» эта книга вышла в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1935 г. (с обозначением 1934 г.).